

РИК РИОРДАН

МАГНУС ЧЕЙЗ

И БОГИ АСТАРДА

КОРАБЛЬ МЕРТВЕЦОВ

18+

Рик Риордан
Магнус Чейз и боги Асгарда.
Книга 3. Корабль мертвецов
Серия «Магнус Чейз и
боги Асгарда», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39827384
Рик Риордан Магнус Чейз и боги Асгарда. Корабль мертвецов:
ISBN 978-5-04-091936-9

Аннотация

Уж что только не выпадало на долю славного эйнхерия Магнуса Чейза. Но корабль из ногтей мертвецов – это что-то совсем из ряда вон! И все же именно его нужно отыскать Магнусу и его друзьям, чтобы раз и навсегда покончить с коварными планами Локи, бога обмана, мечтающего лишь об одном – начать Рагнарк. Чтобы добраться до Нагльфара, судна, кишашего мертвецами, друзьям придется столкнуться с такими испытаниями, которые и в кошмаре не приснятся.

И если бы речь шла только об убийцах-великанах и утаскивающих на дно моря водяных лошадях! На этот раз каждому из друзей придется столкнуться со своими самыми

потаянными страхами... Чего же им будет стоить спасение Девяти Миров?

Содержание

Глава I	7
Глава II	18
Глава III	32
Глава IV	44
Глава V	58
Глава VI	76
Глава VII	88
Глава VIII	102
Глава IX	113
Глава X	126
Глава XI	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Рик Риордан
Магнус Чейз и боги Асгарда
Корабль мертвецов

Rick Riordan

MAGNUS CHASE AND THE GODS OF ASGARD

The Ship of the Dead

Copyright © 2017 by Rick Riordan

Permission for this edition was arranged through the Gallt and
Zacker Literary Agency LLC

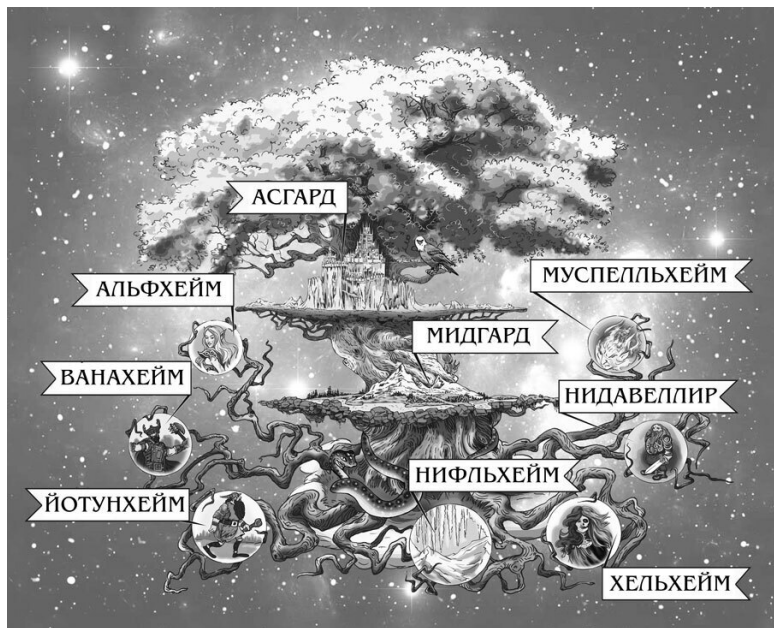

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2019

© Сагалова А., перевод на русский язык, 2019

* * *

*Филиппу Хосе Фармеру, чьи книги о Речном мире
разожгли во мне любовь к истории.*

Глава I

Перси Джексон что есть сил старается меня прикончить

– Попробуй еще раз, – сказал Перси Джексон. – Только на этот раз не так смертельно.

Стоя на рее корабля ВМС США «Конституция»¹ и глядя

---

¹ Фрегат «Конституция» (Constitution) – старейший парусный корабль в мире, находящийся на плаву: он был спущен на воду еще в 1797 году и успел поучаствовать в трех войнах. В настоящее время стоит на якоре в гавани Бостона как историческая достопримечательность, однако продолжает числиться в составе ВМС США. Прозвище «Железнобокая старушка» (Old Ironsides) корабль получил за то, что пушечные ядра так и отскакивали от его дубовых бортов. (Здесь

на Бостонскую гавань внизу, я пожалел, что не обладаю защитными способностями грифа-индейки. А то бы блеванул прицельно в этого Перси Джексона, и дело с концом.

Всего час назад он уже заставил меня совершить такой же прыжок, и я переломал себе все кости. Если бы не мой друг Алекс Фьерро, я бы не успел вернуться в отель «Вальгалла», чтобы умереть в собственной постели.

Но, к сожалению, я – один из эйнхериев, бессмертных воинов бога Одина. Это значит, что я не могу умереть навсегда, если испущу последний вздох в пределах Вальгаллы. Так что полчаса спустя я проснулся как новенький. И вот я снова здесь, готов к новым мукам. Ура!

– А без этого никак нельзя? – спросил я.

Перси стоял, небрежно прислонившись к канатам такелаж, ветер ерошил его темные волосы.

На вид он парень как парень – оранжевая футболка, джинсы, белые кожаные кроссовки «Рибок», помнящие лучшие времена. Увидишь такого на улице – ни за что не подумаешь: «Эй, вон идет полубог, сын Посейдона! Слава олимпийцам!» У него нет ни жабр, ни перепонки между пальцами, только глаза сине-зеленые, как море – и как моя собственная физиономия в ту минуту. Единственная необычность во внешности Перси – это татуировка на внутренней стороне предплечья: темный, как мореное дерево, трезубец, а под ним четыре буквы – SPQR.

Перси говорил, это означает Sono Pazzi Quelli Romani – «Эти римляне – чокнутые». Я не понял, шутит он или серьезно².

– Послушай, Магнус, – сказал он. – Тебе предстоит странствовать во враждебных морях. Куча всяких морских монстров, богов и черт знает кого еще будут пытаться тебя убить. Так?

– Ну, наверное, так.

Хотя на самом деле я хотел сказать: «Не напоминай. Оставь меня в покое».

– В какой-то момент, – продолжал Перси, – тебя могут выбросить за борт. Возможно, как раз вот с такой высоты. Ты должен выучиться, как не разбиться, не утонуть и вынырнуть в полной боевой готовности. Это может оказаться непросто, особенно, если упадешь в холодную воду.

Он был, конечно же, прав. Судя по тому, что рассказывала моя двоюродная сестра Аннабет, Перси пришлось пройти даже через более опасные переделки, чем мне. (А я, заметьте, жил в Вальгалле и умирал каждый день, иногда не по одному разу.) И хотя я был очень благодарен, что он приехал из Нью-Йорка, чтобы научить меня героическому выживанию

---

² Исторически это сокращение расшифровывается как Senatus Populusque Romanus – «Сенат и граждане Рима». Эти буквы изображались на штандартах римских легионов. Но Перси ссылается на то, как предпочитал толковать их Астерикс, герой серии комиксов и множества фильмов. Хотя вообще-то его табуировка означает, что он состоит в римском Двенадцатом легионе Фульмината. О том, как Перси заполучил ее, рассказывается в книге «Кровь Олимпа».

в море, я уже порядком подустал от своих неудач.

Вчера меня сожрала большая белая акула, задушил гигантский кальмар и до смерти зажалили тысячи взбешенных медуз-аурелий. Пытаясь научиться задерживать дыхание, я по горло нахлебался морской воды и выяснил, что на глубине в тридцать футов³ дерусь ничуть не лучше, чем на суше.

Этим утром Перси привел меня на «Железнобокую старушку», чтобы научить основам мореходного дела и навигации, но я все никак не мог отличить бизань от полуюта.

И вот теперь выяснилось, что даже с мачты нормально свалиться – и то не могу.

Я глянул вниз – с палубы на нас смотрели Аннабет и Алекс Фьерро.

– У тебя получится, Магнус! – крикнула Аннабет.

А Алекс Фьерро вроде бы показал мне оттопыренные большие пальцы, но, может, я и ошибся. С такого расстояния трудно судить.

Перси глубоко вздохнул. Пока что он старался быть со мной терпеливым, но я чувствовал, что эти выходные и ему даются нелегко. Всякий раз, когда он смотрел на меня, левый глаз у него начинал дергаться.

– Слушай, это же весело, – заверил он. – Давай я покажу снова, ладно? Вначале падаешь в позе парашютиста, паришь, как орел, чтобы замедлить падение. А перед тем, как войти в воду, вытягиваешься солдатиком: головой вверх, ногами

---

³ *Фут* – мера длины, примерно 30 см.

вниз, спина прямая, задницу подобрать. Последнее правда важно.

– Парашютист, – повторил я. – Орел. Солдатик. Задница.
– Верно, – кивнул Перси. – Смотри.

Он спрыгнул с реи и полетел вниз, прямо как настоящий орел. А в последний момент вытянулся и вошел в воду солдатиком, почти без всплеска. Мгновение спустя он вынырнул и развел руками, как бы говоря: «Вот видишь? Пара пустяков».

Аннабет и Алекс заплодировали.

– Давай, Магнус! – донесся до меня крик моего друга. – Будь мужиком!

Видимо, это была шутка. Алекс обычно выглядит и ведет себя как девушка, но сегодня у него был явно мужской день. Иногда я сажусь в лужу и обращаюсь к нему как к девушке или к ней как к парню, а Алекс в ответ безжалостно глумится. Потому что у нас дружба.

Аннабет завопила:

– Ты сможешь, братец!

Темная поверхность моря поблескивала, как отмытая вафельница, готовая расплющить меня в лепешку.

«Я смогу!» – сказал я себе.

И прыгнул.

Первые полсекунды я чувствовал себя вполне уверенно. Ветер свистел в ушах. Я вытянул руки в стороны и даже умудрился не заорать.

«Ладно, – решил я. – Справлюсь».

И именно в этот момент мой меч по имени Джек решил явиться из ниоткуда, чтобы немного поболтать.

– Эй, сеньор! – крикнул он, блестя рунами вдоль обоюдо-острого клинка. – Че это ты делаешь?

Я забарахтался в воздухе, пытаюсь выпрямиться солдатиком, прежде чем рухнуть в воду.

– Джек, не сейчас!

– А, понял! Ты падаешь! Знаешь, как-то раз мы с Фреем падали...

Продолжения этой увлекательной истории я не услышал, потому что ушел под воду.

Как Перси и предупреждал, от холода у меня тут же отключились все системы. Я погружался все глубже, не в силах пошевелить и пальцем. Лодыжки болели так, словно я сига-нул с кирпичного батута. Но, по крайней мере, я не умер.

Я мысленно обследовал себя на предмет серьезных повреждений. Став эйнхерием, начинаешь совершенно иначе прислушиваться к боли в собственном теле. Можешь ковылять по полю битвы в Вальгалле, смертельно раненный, и думать: «А-а, вот что, оказываешься, чувствуешь, когда у тебя сломана грудина! Интересненько...»

На этот раз я определенно сломал левую голень. А правую лодыжку только потянул.

Это легко поправить. Я призвал силу Фрея.

Тепло, ласковое, как летнее солнце, разлилось из моей

груди и согрело руки и ноги. Боль утихла. Исцелять собственные раны мне удастся не так хорошо, как чужие, но тут я почувствовал, что мои ноги болят уже не так сильно. Словно рой дружелюбных ос копошился под кожей, прилаживая на место осколки костей, сращивая связки.

«Так-то лучше, – подумал я, пока плыл в густой тьме. – Ладно, теперь надо сделать что-то еще... Ах да – глотнуть воздуха».

Джек ткнулся мне в ладонь, словно пес, которому не хватает внимания. Я вцепился в его обтянутую кожей рукоять, и меч потащил меня наверх. Я вылетел из-под воды, будто Дева озера на реактивной тяге, и приземлился, отдуваясь и дрожа, на палубу «Железнобокой старушки» возле своих друзей.

– Ух ты! – Перси отступил на шаг. – Это что-то новенькое. Ты в порядке, Магнус?

– В полном, – просипел я, кашляя, словно утка с воспалением легких.

Перси разглядывал светящиеся руны на моем клинке.

– Откуда взялся этот меч?

– Привет, меня зовут Джек! – представился Джек.

Аннабет чуть не вскрикнула:

– Оно разговаривает?!

– Оно?! – возмутился Джек. – Эй, леди, нельзя ли повежливее? Я Сумарбрандер, Меч Лета! Оружие самого Фрея! Мне уже не одна тысяча лет! И кстати, я – мужик!

Аннабет нахмурилась:

– Магнус, ты, когда рассказывал о своем оружии, наверное, забыл упомянуть, что оно – в смысле, он – умеет говорить, да?

– Правда? – Я напрочь ничего не помнил, честное слово.

Последние несколько недель я предоставил Джека самому себе, и он занимался тем, чем занимаются все волшебные мечи в свободное время – понятия не имею, чем именно. Мы с Перси использовали для тренировок мечи из отеля «Вальгалла». Мне как-то в голову не приходило, что Джек может ни с того ни с сего заявиться и представиться. Кроме того, умение говорить – далеко не самое удивительное в Джеке. Самое удивительное – это то, что он способен пропеть наизусть все песни из «Парней из Джерси»⁴.

Алекс Фьерро, похоже, еле сдерживал смех. Сегодня он, как обычно, оделся в розовое и зеленое, но такого наряда я на нем раньше не видел: кожаные ботинки на шнуровке, супероблегающие розовые джинсы, рубашка цвета лайма на выпуск и узкий галстук в клеточку, завязанный так свободно, что болтался у него на шее как ожерелье. В сочетании с непроницаемо-черными очками «Рей-бан» и непокорными зелеными волосами все это выглядело так, будто Алекс сошел с обложки альбома какой-нибудь группы в стиле новой

---

⁴ «Парни из Джерси» – мюзикл об истории американской рок-группы The Four Seasons, поставленный в 2005 году, а в 2014-м экранизированный Клинтом Иствудом.

волны года этак 1979-го.

– Магнус, не забывай о вежливости, – сказал он. – Представь наконец друзей своему мечу.

– Да, ты прав, – согласился я. – Джек, это Перси и Аннабет. Они полубоги, по греческой линии.

– Хммм... – Джек, похоже, не испытал священного трепета. – Я как-то раз встречался с Гераклом.

– Да кто с ним не встречался! – буркнула Аннабет.

– Верно подмечено, – согласился Джек. – Но раз уж вы друзья Магнуса... – Он вдруг затих. Его руны погасли. А потом Джек внезапно вырвался у меня из руки и метнулся к Аннабет, поводя лезвием, будто принюхиваясь. – Где она? Где ты прячешь малышку?

Аннабет попятилась к планширю.

– Эй, меч, поаккуратнее! Не нарушай мое личное пространство!

– Джек, веди себя прилично! – вмешался Алекс. – Что ты творишь?

– Она где-то тут, – гнул свое меч. Он подлетел к Перси. – Ага! Что это у тебя в кармане, мальчик-русальчик?

Алекс посмотрел на Перси поверх темных очков:

– Так-так, теперь уже и мне стало интересно. В самом деле, что это у тебя в кармане, Перси? Любознательные мечи желают знать.

Перси вытащил из кармана джинсов совершенно обычную на вид шариковую ручку:

– Ты про это?

– О! – взвыл Джек. – Как зовут это чудное виденье?

– Джек, это же просто ручка, – сказал я.

– А вот и нет! Покажи! Покажи!

– Ну, ладно. – Перси снял с ручки колпачок.

И ручка мгновенно превратилась в трехфутовый меч с листовидным клинком из сверкающей бронзы. По сравнению с Джеком это оружие казалось изящным, почти миниатюрным, но по тому, как держал его Перси, я понял, что он смог бы успешно обороняться этим мечом на полях Вальгаллы.

Джек обратился острием ко мне, его руны вспыхнули темно-красным.

– Вот видишь, Магнус! А ты говорил, что выдавать меч за авторучку глупо!

– Никогда я такого не говорил! – попытался возразить я. – Это твои слова!

Перси вскинул бровь:

– О чем это вы?

– Ни о чем, – поспешно сказал я. – Так это и есть знаменитый Анаклузмос? Аннабет рассказывала мне о нем.

– О ней, – поправил Джек.

Аннабет нахмурилась:

– Меч Перси – девушка?

– А то! – рассмеялся Джек.

Перси внимательно оглядел Анаклузмос, хотя я-то знал по собственному опыту, что это бесполезно – определить по

виду меча, какого он пола, невозможно.

– Не знаю... – протянул он. – Ты уверен?..

– Перси, – вмешался Алекс. – Уважай гендерную идентичность.

– Ну ладно, – согласился он. – Просто как бы странно, что я не знал.

– С другой стороны, ты только в прошлом году выяснил, что эта ручка пишет, – напомнила Аннабет.

– Это удар ниже пояса, Полубогиня Мудрости.

– Не важно! – встрял Джек. – А важно, что Анаклузмос здесь, она прекрасна и она встретила меня! Может, вы, ну... оставите нас наедине, чтобы мы могли поговорить о своем, о мечном?

Алекс ухмыльнулся:

– А что, отличная идея! Как насчет дать мечам узнать друг друга поближе, а самим пообедать? Магнус, ты уже оклемался, не подавишься фалафелем?

Глава II

Фалафель в пите и Рагнарок на десерт

Поестъ мы расположились на спардеке. (Видите, как я уже освоился с морскими словечками!)

После непростого утра, когда я потерпел столько неудач, я чувствовал, что в полной мере заслужил свой хорошо прожаренный колобок из нута в пите с ледяными ломтиками огурца и от души наперченным кебабом из баранины. Еду для обеда на свежем воздухе собирала Аннабет. Она отлично знала мои вкусы.

Одежда моя быстро высохла на солнце. Теплый бриз приятно оведал лицо. Гавань бороздили катера и моторки, небо – самолеты, направлявшиеся из аэропорта Логана в Нью-Йорк, Калифорнию и Европу. Казалось, весь Бостон напряжился, как школа без одной минуты три, когда вот-вот должен раздаться звонок с уроков, – все только и ждали возможности вырваться из центра куда-нибудь за город, раз уж выдался такой чудный денек.

Что до меня, то я мечтал об одном: сидеть на месте ровно. Джек и Анаклузмос стояли в бухте каната, опираясь руками на леер артиллерийской палубы. Анаклузмос вела себя, как и положено нормальному неодушевленному предмету, зато Джек потихоньку придвигался к ней поближе, заговаривая ей зубы. Его клинок сверкал такой же темной бронзой, как и ее. К счастью, Джеку было не привыкать к молчаливым собеседникам. Он шутил. Он сыпал комплиментами. Он, как одержимый, то и дело вставлял в свои байки громкие имена: «Как-то раз мы с Тором и Одином зависали в одной таверне...»

Если все его усилия и возымели какое-то действие на Анаклузмос, она и виду не подала.

Перси скомкал пустую обертку от фалафеля. Этот чувак умеет не только дышать под водой, но и жратву заглатывать одним махом, словно кашалот.

– Ну и, – сказал он, – когда вы отчаливаете?

Алекс взглянул на меня, вскинув бровь, будто присоеди-

нился к вопросу: «Да, Магнус, когда мы отчаливаем?»

Я старательно обходил эту тему в разговорах с Фьерро все последние две недели. Не слишком успешно.

– Скоро, – ответил я. – Правда, мы точно не знаем, куда направляемся и как долго придется туда добираться...

– Ага, со мной постоянно такая история, – вставил Перси.
– ...но нам надо отыскать этот здоровенный корабль мертвецов, который придумал Локи, до дня летнего солнцестояния, когда он отправится в путь. Сейчас он стоит на якоре где-то у границы Нифльхейма и Йотунхейма. По нашим прикидкам, это недели две пути.

– То есть, – сказал Алекс, – по-хорошему надо было бы уже отчалить. И нам всяко придется выдвинуться до конца этой недели, не важно, будем мы к тому времени готовы или нет.

В черных стеклах его очков я мог полюбоваться, как перекосилась от беспокойства моя физиономия. Мы оба знали, что до состояния «мы готовы» нам как пешком до Нифльхейма.

Аннабет сидела, подобрав под себя ноги. Ее светлые волосы были собраны в хвост, на синей футболке красовалась желтая надпись «Колледж проектирования экологических решений, Калифорнийский университет в Беркли».

– Герои никогда не бывают готовы, верно? – заметила она. – Мы просто делаем все, что в наших силах.

Перси кивнул:

– Угу. И обычно это работает. Мы же до сих пор живы.

– Хотя ты то и дело нарываешься. – Аннабет шутливо двинула его локтем в бок.

Перси обнял ее за плечи, и она уютно прислонилась к нему. Он поцеловал локоны у нее на макушке.

При виде этой трогательной картины сердце мое сжалось.

Я был рад за свою двоюродную сестру, но это напомнило мне, как много стоит на кону и как важно остановить Локи.

Мы с Алексом уже мертвы. Мы никогда не станем старше. Так и будем жить в отеле «Вальгалла» до самого Судного дня (если, конечно, нас не прикончат раньше за пределами Вальгаллы). Самое лучшее, на что мы могли рассчитывать, – это готовиться к последней битве, одновременно стараясь отдалить Рагнарок на столько веков, на сколько получится, а потом, когда он все-таки неизбежно случится, выступить вместе с армией Одина из Вальгаллы и умереть как герои среди пылающих Девяти Миров⁵. Круть.

Но Аннабет и Перси могли прожить нормальную жизнь. Им уже удалось окончить школу и не умереть (Аннабет рас-

---

⁵ Так уж получилось, что с самого начала истории Магнуса Чейза гибель богов именуется Рагнарок. Однако по-русски это событие чаще зовется Рагнарёк. А как правильно? Сложный вопрос. Вся путаница возникла из-за того, что древнескандинавские слова *Ragnarök* и *Ragnarøkkr* содержат буквы, аналогов которых ни в русском, ни в английском алфавите нет. Но в русском языке ближе всего к ö и ø все-таки «ё». Поэтому, наверное, правильнее называть гибель богов и все сопутствующие события «Рагнарёк». А вот в английском даже и буквы «ё» нет, поэтому пришлось уж Рiku Риордану писать *Ragnarok*, а вслед за ним и нам. Однако вы имеете полное право звать Рагнарок Рагнарёком и наоборот.

сказывала, что для греческих полубогов школьные годы – самые опасные), а осенью они пойдут в колледж на Западном побережье. Если им удастся дожить и до его окончания, у них появится вполне реальный шанс уцелеть до самой старости. Они смогут спокойно жить в мире смертных, не опасаясь, что на них каждые пять минут будут накидываться чудовища.

Но если мы с друзьями не сумеем остановить Локи, мир – все Девять Миров – рухнет через несколько недель. Вот только, ну... не надо на меня давить!

Я отложил свой фалафель в пите. Даже он не способен прогнать некоторые мрачные мысли.

– А вы, ребята? – спросил я. – Уже сегодня возвращаетесь в Нью-Йорк?

– Ага, – сказал Перси. – Мне вечером с ребенком сидеть. Счастья полные штаны.

– Ну да, точно, – вспомнил я. – У тебя же недавно сестренка родилась.

И подумал: «Еще одна бесценная жизнь, висящая на волоске».

Но этого я говорить не стал и кое-как изобразил улыбку:

– Поздравляю, парень. Как ее зовут?

– Эстель. Это в честь моей бабушки. То есть бабушки по маминой линии, конечно, не по Посейдоновой.

– Хорошее имя, – заявил Алекс. – Звучит традиционно и элегантно. Эстель Джексон.

– На самом деле она Эстель Блофис, – поправил Перси. – Моего отчима зовут Пол Блофис. Та еще фамилия, но тут уж ничего не поделаешь. Зато сестренка просто прелесть. На ручках и ножках – по пять пальцев. На лице два глаза. И все время пускает слюни.

– Прямо как ее старший братец, – поддела его Аннабет. Перси засмеялся.

Мне так и представилось, как Перси качает на руках кроху-сестренку, напевая песенку из диснеевской «Русалочки». И от этого мне стало еще хуже.

Я должен в лепешку разбиться, но выиграть для крошки Эстель достаточно лет, чтобы она успела нормально пожить. Должен разыскать чертов корабль Локи с его зомби-командой и не дать им отплыть на битву, тем самым запустив Рагнарк. А потом еще надо заново пленить Локи и заковать его в цепи, чтобы он больше не играл с огнем, поджигая миры (или хотя бы играл поменьше).

– Эй! – Алекс бросил в меня куском питы. – Хватит кукситься.

– Прости. – Я попытался изобразить радость. Это оказалось сложнее, чем срастить сломанную ногу силой воли. – Как-нибудь потом, когда мы вернемся из нашего геройского похода, я непременно хочу повидать Эстель. И я благодарен вам, ребята, что приехали ради нас в Бостон. Правда.

Перси покосился на Джека, который все еще болтал с Анаклузмос.

– Мне жаль, но больше я ничем помочь не могу. Море, оно... – он пожал плечами, – штука непредсказуемая.

Алекс вытянул ноги:

– Ну, ничего, по крайней мере, Магнус во второй раз упал гораздо удачнее. Если дело будет совсем плохо, я всегда смогу превратиться в дельфина и спасти его жалкую задницу.

Уголок рта Перси дернулся.

– Ты умеешь превращаться в дельфина?

– Я же дитя Локи. Хочешь, покажу?

– Нет, я верю. – Перси устремил взгляд в неведомые дали. – У меня есть друг по имени Фрэнк, он тоже умеет менять облик⁶. И в дельфина превращается, и в огромную золотую рыбку.

Я представил, как Алекс Фьерро превращается в огромного розово-зеленого карпа, и содрогнулся.

– Мы справимся, – заключил я. – Мы же отличная команда.

– Это главное, – согласился Перси. – Наверное, даже важнее мореходных умений.

Он вдруг выпрямился и свел брови так, что между ними залегла складка. Аннабет мягко выбралась из-под его руки.

– Ой-ой-ой. Знаю я этот взгляд, – сказала она. – У тебя есть идея, верно?

– Мой отец как-то говорил мне...

---

⁶ Перси говорит о Фрэнке Чжане, сыне римского бога войны Марса. О нем рассказывается в книгах цикла «Герои Олимпа».

Перси встал и подошел туда, где торчал его меч. Джек как раз рассказывал подружке увлекательную историю о том, как он вышивал дамскую сумочку одной великанши, но Перси разлучил их – взял Анаклузмос и внимательно осмотрел ее клинок.

– Эй, приятель! – возмутился Джек. – Мы только-только поладили...

– Прости, Джек.

Перси достал из кармана колпачок и коснулся им острия Анаклузмос. Меч с тихим «вжих» мгновенно уменьшился и снова стал ручкой.

– Как-то раз мы с Посейдоном говорили об оружии. И он сказал, что у всех морских богов есть общая черта: они ужасно привязаны к своему волшебному добру.

Аннабет закатила глаза:

– То же самое можно сказать о любом боге из тех, с кем мы знакомы.

– Это правда, – кивнул Перси. – Но морские боги просто жить без своих волшебных штучек не могут. Тритон даже во сне не расстаётся с рогом из витой раковины. А мой папа больше всего на свете боится потерять трезубец.

Я вспомнил свою первую и пока что последнюю встречу со скандинавской богиней моря. Знакомство тогда не заладилось. Ран обещала убить меня, если я снова сунусь в ее воды. Но у нее и правда была волшебная сеть с целой коллекцией всякого хлама. И мне удалось хитростью убедить ее

отдать мне Джека в обмен на то, что я не разграблю ее коллекцию.

– То есть ты советуешь мне использовать против богов их же добро, – догадался я.

– Верно, – кивнул Перси. – И еще, ты говорил про команду... Иногда я был на волосок от гибели. И меня не могло спасти даже то, что я сын морского бога, даже в его царстве. Однажды мы с моим другом Джейсоном стараниями богини Кимополеи попали в ловушку на дне Средиземного моря. Я ничего не мог поделать, а вот Джейсон спас мою шкуру, пообещав богине, что в честь нее выпустят коллекционные карточки и фигурки.

Алекс чуть не подавился фалафелем:

– Чего-о?!

– Я это к тому, – продолжал Перси, – что Джейсон спас меня, хотя ничего толком не знал об океане. Неловко вышло.

Аннабет усмехнулась:

– Да уж. Неудивительно, что ты до сих пор не рассказывал мне подробностей.

Уши Перси сделались розовые, точь-в-точь как джинсы Алекса.

– Короче говоря, возможно, мы вообще подошли к делу не с той стороны. Я тут учил тебя всяким умениям, полезным в море, но куда важнее – использовать то, что есть: своих товарищей, свои мозги или волшебное барахло врагов.

– И никогда не знаешь заранее, что это будет. А значит, и

планировать без толку, – сказал я.

– Точно! – подхватил Перси. – Выходит, я сделал все, что мог.

Аннабет нахмурилась:

– Перси, ты сейчас, по сути, говоришь, что лучший план – действовать вообще без плана. Как дочь Афины я не могу полностью с этим согласиться.

– Ага, – вмешался Алекс. – А мне вот все равно очень нравится мой план: взять и превратиться в морское млекопитающее.

Перси вскинул руки, словно защищаясь:

– Я просто хочу сказать, что самый могущественный полубог нашего поколения сидит сейчас здесь и это не я. – Он кивком указал на Аннабет. – Полубогиня мудрости не может менять облик, дышать под водой или говорить с пегасами. Она не умеет летать и не обладает сверхчеловеческой силой мышц. Но она до чертиков умная и гениально действует по обстоятельствам. Вот что делает ее смертельно опасной. Причем где угодно – на земле, на воде, в воздухе или в Тартаре. Магнус, мы занимались с тобой все выходные. А лучше бы тебе было потратить это время на занятия с Аннабет.

По глазам Аннабет, цвета грозового неба, трудно было понять, что она думает на этот счет. Помолчав не-много, она сказала:

– Что ж, это было очень мило с твоей стороны. – И поцеловала Перси в щеку.

Алекс кивнул:

– Да, неплохо, Водорослевая Башка.

– Ой, хоть ты не начинай звать меня так, – буркнул Перси.

С пристани донесся грохот открывающихся откатных ворот. Послышались голоса, их подхватило эхо, отразившееся от стен зданий.

– Похоже, нам пора, – сказал я. – Этот корабль только что отремонтировали в сухом доке, а вечером состоится торжественное открытие, придет куча народу.

– Ага, – согласился Алекс. – Гламур не поможет нам, когда на борт поднимется вся команда.

Перси вскинул бровь:

– Гламур? Ты про свои шмотки?

Алекс фыркнул:

– Нет. Гламур – это магия, наваждения. Чтобы отводить глаза простым смертным.

– А-а, – протянул Перси. – Мы зовут это Туманом.

Аннабет легонько постучала ему костяшками по голове:

– Как бы мы это ни звали, пора валить. Помогите мне прибраться.

Мы едва успели спуститься по трапу, когда появились первые матросы. Джек летел перед нами, распевая «Ходить по-человечески»⁷ ужасным фальцетом. Алекс превращался то в гепарда, то в волка, то во фламинго. (Фламинго из него

---

⁷ *Walk Like a Man* – песня все той же любимой группы Джека The Four Seasons (1963).

– просто супер!)

Матросы обошли нас стороной, но никто ничего не спросил, будто и не видел.

Когда мы вышли из доков, Джек, превратившись в каменный кулон с руной Феху, упал мне в ладонь, и я надел его на цепочку, которую носил на шее. Странно, чего это он так внезапно заткнулся? Должно быть, злится, что мы беспардонно прервали его свидание с Анаклузмос, решил я.

Когда мы шли по Конститушен-роуд, Перси повернулся ко мне:

– Что это было там, на причале? Превращения, поющий меч... Вы что, нарочно старались, чтобы вас заметили?

– Не-а, – сказал я. – Если проделывать всякие магические штуки под носом у смертных, это только больше сбивает их с толку. – Было приятно для разнообразия поучить уму-разуму Перси. – У них типа короткого замыкания в мозгах от этого случается, и они обходят тебя десятой дорогой.

– Ха! – покачала головой Аннабет. – Мы столько лет скрывались и прятались, а могли, оказывается, просто быть собой?

– Не могли, а должны были, – поправил Алекс. Он уже снова стал человеком, хотя в волосах у него торчало несколько розовых перьев. – Вам просто необходимо выставить свое волшебство напоказ, друзья.

– Я буду всем говорить, что это ты меня научил, – сказал Перси.

– Вот и молодец.

Мы остановились на углу, где у паркомата ждала «Тойота Приус» Перси. Мы с ним пожали друг другу руки, а Аннабет крепко обняла меня.

Кузина положила руки мне на плечи и посмотрела прямо в лицо. Ее серые глаза потемнели от беспокойства.

– Береги себя, Магнус. И вернись живым и здоровым. Это приказ.

– Есть, мэм! – козырнул я. – Мы, Чейзы, должны держаться вместе.

– Кстати, – проговорила она, понизив голос, – ты уже побывал там?

Меня накрыло такое ощущение, словно я снова падаю с высоты и лечу ласточкой навстречу мучительной смерти.

– Пока нет, – признался я. – Сегодня схожу. Честное слово.

И я проводил взглядом «Приус», который свернул на Первую авеню и скрылся из виду. Последнее, что я успел заметить, – это как Перси подпевает звучащим по радио «Лед Зеппелин», а Аннабет смеется над тем, как он фальшивит.

Алекс скрестил руки на груди:

– Если эта парочка станет смотреться еще хоть чуточку умильнее, они превысят критическую массу ми-ми-мишности, и в результате случится такой ядерный взрыв, что прости-прощай все Западное побережье.

– Это ты так говоришь о людях что-то хорошее? – уточнил

я.

– Лучше ты от меня вряд ли что-нибудь услышишь. – Он искоса посмотрел на меня. – Так куда ты обещал Аннабет сходить?

Мне стало так тошно, будто я набил полный рот фольги.

– В дом дяди. Мне надо там кое-что сделать.

– О-о-о, – простонал Алекс. – Терпеть это место не могу.

Я откладывал этот поход уже несколько недель. Мне не хотелось идти туда одному. Но я не хотел и тащить с собой кого-то из друзей – Самиру, Хэртстоуна, Блитцена или кого-то с девятнадцатого этажа отеля «Вальгалла». Слишком личное это было дело, и слишком болезненные воспоминания вызывало. Однако Алекс и я уже бывали в особняке Чейзов вместе. Мысль о том, чтобы взять его с собой, не вызвала у меня внутреннего протеста. Больше того, я вдруг понял, что очень хочу, чтобы он отправился со мной.

– Э-э... – Я прокашлялся, прочищая горло от крошек фалафеля и остатков морской воды. – Не хочешь сходить со мной в жуткий дом, чтобы порыться в барахле мертвеца?

– Ну наконец-то! – просиял Алекс. – Я уж думал, ты никогда этого не скажешь.

Глава III

Я получаю в наследство тушу волка и кучу синих глаженных трусов

– Это что-то новенькое, – сказал Алекс.

Парадная дверь особняка была распахнута настежь, на ней безжизненно болталась поломанная задвижка. А в прихожей на персидском ковре распростерлась мертвая волчья туша.

Меня всего передернуло.

В Девяти Мирах, куда ни кинь топор, мимо волка не про-

махнешься. Волк Фенрир, волки Одина, волки Локи, оборотни, большие нехорошие волчары, ну и разные мелкие волки-фрилансеры, которые за хорошую цену и отца родного не пожалеют.

Мертвый волк в прихожей дяди Рэндольфа очень уж смахивал на тех тварей, которые два года назад напали на мою маму. И мама тогда погибла.

Синее свечение окутывало черную косматую шкуру. Пасть застыла в вечном рыке. На лбу у волка красовалась выжженная викингская руна. Шерсть вокруг клейма сильно опалило, и я никак не мог разобрать, что это за знак. Вот моему другу Хэртстоуну это было бы раз плюнуть.

Алекс обошел здоровенную тушу. Попинал ее в ребра. Зверь остался мертвехонек. Очень любезно с его стороны, вы не находите?

– Тело не развоплотилось, – заметил Алекс. – Обычно чудовища растворяются почти сразу, как их убьешь. А у этого еще шкура паленым пахнет. Должно быть, он тут совсем недавно.

– Думаешь, эта руна – ловушка, куда он угодил?

– Твой дядюшка вроде в магии чуток разбирался, – ухмыльнулся Алекс. – Волк сиганул на ковер, руна сработала и БА-БАХ!

Пока я был бездомным, мне случалось наведываться в дом к дяде Рэндольфу. То еды стащить, то обшарить его кабинет, то просто нервы ему потрепать. И ни на какой БА-БАХ я ни

разу не нарывался. Если честно, по части охранных систем дядя Рэндольф так себе эксперт. А вот сейчас у меня все немножко плыло перед глазами. Еще чуть-чуть – и грохнусь на ковер с дымящейся руной во лбу.

Помнится, Рэндольф уж очень настаивал, чтобы мы с Аннабет непременно посетили его недвижимость, прежде чем вступать в права наследования. Интересно, это из-за руны-ловушки или как? Может, дядюшка мстил нам с того света?

– Как считаешь, не опасно идти дальше в дом? – спросил я.

– Опасно! – просиял Алекс. – Давай же, вперед!

На первом этаже больше дохлых волков нам не попало. И даже руны не взрывались у нас под носом. Единственным обнаруженным нами воплощением кошмара оказался дядин холодильник, где просроченный йогурт, скисшее молоко и плесневелые морковки наперегонки стремились к тотальному разложению. До чего гнусный тип этот Рэндольф! Хоть бы шоколадку оставил!

На втором этаже мы не заметили никаких серьезных перемен. В кабинете Рэндольфа солнечный свет струился сквозь витражное окно, расцветивая красным и оранжевым книжные полки и витрины с древнескандинавскими артефактами. Один угол загромождало надгробие с резными рунами и злорадной красной мордой – волчьей, конечно же. Стол был завален потрепанными картами и пожелтевшими пергамен-

тами. Я порылся в бумагах: вдруг найдется что-нибудь новое и важное. Но ничего не нашлось.

Мне вспомнились строчки из завещания дяди Рэндольфа, которое прислала мне Аннабет.

«Очень важно, – писал дядя Рэндольф, – чтобы мой возлюбленный племянник Магнус как можно скорее произвел ревизию моего земного имущества. И пусть уделит особое внимание моим бумагам».

Понятия не имею, что заставило Рэндольфа так написать. Я перерыл все ящики его письменного стола. Никакого письма для меня. Даже никакой прочувствованной записочки типа: «Дорогой Магнус, я так сожалею, что сначала стал причиной твоей гибели, потом предал тебя, связавшись с Локи, потом пырнул мечом твоего друга Блитцена, ну и еще разок устроил все так, что тебя снова едва не укололи».

Он, между прочим, мне даже пароля от вай-фая не оставил.

Я выглянул из окна кабинета. Через улицу, на бульваре Коммонуэлс, народ гулял с собаками, бросал фрисби и всячески радовался погожему деньку. Бронзовый Лейф Эриксон по-прежнему возвышался на пьедестале, гордо выпятив облаченную в металлический бюстгальтер грудь, обозревал поток машин на Чарльзгейт и, по всей вероятности, гадал, как это его из родной Скандинавии занесло в Бостон.

– Ну так что? – Алекс подошел и встал рядом. – Ты теперь у нас богатенький наследничек, да?

По пути сюда я разъяснил Алексу в общих чертах насчет завещания дяди Рэндольфа. И все равно Алекс косился на меня как-то подозрительно. Чуть ли не обиженно.

– Рэндольф завещал дом нам с Аннабет, – пояснил я. – А я... ну я как бы умер. Поэтому дом достается Аннабет. Адвокаты Рэндольфа связались с ее отцом. Отец все рассказал ей, а она – мне. И Аннабет попросила меня посмотреть, что тут и как, и... – Я пожал плечами. – И придумать, что теперь со всем этим делать.

Алекс взял с ближайшей полки фото в рамке – дядя Рэндольф с женой и дочками. С Кэролайн, Эммой и Обри мы никогда не встречались. Они утонули в шторм много лет назад и мне являлись только в кошмарах. Их-то Локи и использовал как наживку, чтобы подцепить на крючок моего дядюшку. Наобещал Рэндольфу: дескать, помоги мне избавиться от пут, а я тебе помогу воссоединиться с семьей. В каком-то смысле Локи не соврал. В последний раз, когда я видел Рэндольфа, он кувырком летел прямехонько в Хельхейм – мир, где обитают бесчестные мертвые.

Алекс перевернул снимок, очевидно, надеясь найти что-нибудь на обороте. Когда мы были в этом кабинете в прошлый раз, за фотографией мы отыскиали приглашение на свадьбу. И в результате огребли все мыслимые и немыслимые неприятности. Но на блекло-коричневой бумаге никаких секретных посланий не обнаружилось. Зато смотреть на оборот фотографии было не так больно, как на смеющиесяся

лица моих сестренок, которых больше нет.

Алекс вернул фото на полку.

– И что, Аннабет все равно, что ты сделаешь с домом?

– Ну, не совсем. Просто у нее куча забот в колледже и в придачу все эти полубожеские дела. Она просила дать ей знать, если я найду что-то интересное: старые фотоальбомы или что-то, связанное с семейной историей, ну, в таком роде.

Алекс наморщил нос.

– Семейная история... – По его лицу было видно, что ему вроде как все это противно, но в то же время и любопытно. С таким же лицом он пинал мертвого волка вниз. – А там наверху что?

– Точно не знаю. Когда я был маленьким, нас выше второго этажа не пускали. А в те несколько раз, что я сюда вламывался... – Я развел руками. – Мне, в общем, было не до того.

Алекс смерил меня взглядом поверх очков. Карий глаз и янтарный глаз как две непохожие луны скользили вдоль горизонта.

– До чего интригующе. Пошли посмотрим.

На третьем этаже были две спальни. Одна безупречно чистая, холодная, безликая. Две одинаковые кровати. Комод. Голые стены. Может, это комната для гостей, хотя сомнительно, что дядя Рэндольф был таким уж радушным хозяином. Или, может, это бывшая спальня Эммы и Обри? Если так, то Рэндольф позаботился стереть следы их присутствия, оставив посреди дома белую пустоту. Задерживаться там мы

не стали.

Вторая спальня, видимо, принадлежала самому Рэндольфу. Пахло здесь старомодным гвоздичным одеколоном. К стенам тут и там привалились башни из уже заплесневелых книг. Корзина для мусора была полна обертками от шоколадок. Небось Рэндольф прикончил все свои тайные запасы перед тем, как разрушать мир на пару с Локи.

И тут я дядюшку вполне понимаю. Я сам все время говорю: «Съешь шоколадку, и пусть весь мир подождет».

Алекс влез на кровать с балдахином, попрыгал на ней, и пружины жалобно заскрипели.

– Ты что делаешь? – удивился я.

– Шумлю, – отозвался Алекс. Он оживленно копался в ящике прикроватной тумбочки, что-то приговаривая себе под нос. – Ну-ка поглядим. Капли от кашля. Скрепки. Поюзанные платки «Клинекс», фу-у, ну их, пусть валяются. И... – он присвистнул. – Средство от расстройства желудка! Магнус, и все эти сокровища – твои!

– Станный ты все-таки.

– Мне больше нравится «восхитительно неординарный».

Мы проверили каждый закуток спальни, хотя не очень-то представляли, что ищем. «И пусть уделит особое внимание моим бумагам», – гласило завещание Рэндольфа. Ну, вряд ли он под бумагами подразумевал скомканные одноразовые платки.

Аннабет так и не сумела вытянуть всю правду из дядюш-

киных адвокатов. Рэндольф определенно внес в завещание изменения накануне смерти. По всей вероятности, наш дядюшка догадывался, что жить ему уже недолго, терзался чувством вины передо мной и хотел оставить мне нечто вроде посмертной записки. А может, он переписал завещание по указанию Локи. Ладно, пускай завещание – это ловушка, но волк-то что тут делает?

В стенном шкафу никаких секретных бумаг не оказалось. В ванной я тоже не обнаружил ничего примечательного, если, конечно, не считать целой горы полупустых бутылок от «Листерина»⁸. Бельевой комод был буквально забит темно-синими трусами-брифами – хватило бы, чтобы упаковать целую армию Рэндольфов. Причем все трусы были тщательно отутюжены, расправлены и аккуратно сложены. Есть в мире вещи, которые умом не понять.

Этажом выше располагались еще две спальни, обе пустые. Без всяких волчьих туш, пылающих рун и глаженных трусов.

На самом верху раскинулась библиотека. Вот именно что раскинулась – она была даже больше, чем та, в кабинете дяди Рэндольфа. На полках разместилась довольно хаотичная подборка художественной прозы. Один угол занимала крошечная кухонька с мини-холодильником, электрическим чайником и – БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, РЭНДОЛЬФ! – без малейшего намека на шоколад. Из окон открывался вид на зеленые черепичные крыши Бэк-Бэя. Лестница в дальнем кон-

---

⁸ «Листерин» – ополаскиватель для полости рта.

це библиотеки, судя по всему, вела на крышу.

Перед отделанным мрамором камином стояло уютное кожаное кресло. Посредине в мраморе была вырезана (кто бы сомневался!) оскаленная волчья башка. На каминной полке возвышалась серебряная трехногая подставка, а на ней покоился скандинавский рог для питья. С кожаным ремешком и в серебряно-рунной оправе. Таких рогов в Вальгалле хоть пруд пруди. Но здесь, на камине у дяди Рэндольфа, рог смотрелся диковато. Рэндольф вроде никогда не славился страстью к медовухе. Может, конечно, он эрл-грей из этого рога потягивал.

– Мадре де Диос⁹! – выдохнул Алекс.

Я уставился на него в изумлении. Он при мне никогда не говорил по-испански.

Алекс постучал пальцем по одной из фотографий на стене и обратил ко мне лицо со злорадной ухмылочкой:

– Ой, не могу! Это же ты, да?

На фотографии была моя мама с ее вечной мальчишеской стрижкой и сияющей улыбкой, в джинсах и походной фланелевой рубашке. Она стояла в полом стволе сикаморы и держала на руках малютку Магнуса со светло-золотистым пучком на голове. Малютка Магнус пускал слюни, и его серые глазенки красноречиво говорили камере: «Ну и какого лучшего вы меня сюда приволокли?!»

– Ага, я, – признался я.

---

⁹ Матерь Божья (*исп.*).

– Ты был таким милашкой, – хихикнул Алекс. – Эй, ты чего?

– Ха-ха.

Я разглядывал фото на стенах. Надо же, дядя Рэндольф развесил наши с мамой снимки как раз напротив своего кресла. Как будто мы и впрямь для него что-то значили.

С другой фотографии на меня смотрели трое маленьких Чейзов, два брата и сестра: Натали, Фредерик и Рэндольф. Все в военной форме и машут игрушечными винтовками. Это, наверное, Хэллоуин, догадался я. Рядом висело фото моих бабушки и дедушки; оба одеты в шотландку по последнему крику моды семидесятых. Будто собрались в церковь или на дискотеку «Для тех, кому за 60».

А теперь шокирующее признание: я бы не взялся точно сказать, где на фото бабушка, а где дедушка. Я их живыми не застал. Судя по фотографиям, они были из того разряда супругов, что с годами становятся все больше похожи, а в конце их вообще не отличить. Одинаковые седые стрижки под горшок. Одинаковые очки. Волоски одинаково торчат над верхней губой. На снимке за спиной бабушки с дедушкой висело на стене несколько викингских артефактов, в том числе и рог, теперь стоявший на камине. Вот не знал, что бабушка с дедушкой тоже были в этой древнескандинавской теме. Может, и им довелось постранствовать меж Девятью Мирами? Тогда понятно, почему у них такое замешательство на лицах и глаза немного в кучку.

Алекс внимательно изучал корешки на книжных полках.
– Есть что приличное? – спросил я.

Он пожал плечами:

– «Властелин колец». Очень даже неплохо. Сильвия Плат¹⁰. Прелестно. О, «Левая рука тьмы». Обожаю эту книгу¹¹. А остальное... ну так. На мой вкус многовато мертвых белых мужчин¹².

– Кстати, я тоже мертвый белый мужчина, – заметил я.

Алекс поднял брови:

– Вроде того.

А я ведь как-то и не думал, что Алекс любит книги. Я чуть было не кинулся расспрашивать его о читательских предпочтениях. Вдруг ему, как и мне, нравятся «Скотт Пилигрим» или, скажем, «Песочный человек»?¹³ И тот и другой восхи-

---

¹⁰ Сильвия Плат (1932–1963) – известная американская поэтесса, автор лирических стихов в жанре «исповедальной поэзии».

¹¹ Ну еще бы. Главный герой этого великолепного романа Урсулы Ле Гуин, как и Алекс, периодически превращается то в мужчину, то в женщину.

¹² Среди западных интеллектуалов бытует такое понятие: «мертвые белые мужчины». Это писатели, поэты, философы, художники, музыканты (скажем, Шекспир, или Микеланджело, или Данте) – словом, величайшие творцы западной культуры. В нашу эпоху политкорректности выражение «мертвый белый мужчина» произносится чаще всего с иронией: ну правда же, при всем уважении к Шекспиру, есть ведь еще мертвые белые женщины, живые цветные мужчины и прочие. И они тоже вносили и вносят не меньший вклад в развитие западной культуры. Так что «мертвый белый мужчина» – это символ этакого западного мужского снобизма, на что и намекает Алекс.

¹³ «Скотт Пилигрим» – шеститомная серия комиксов Брайана Ли О’Мэлли, повествующая о жизни молодого канадского бездельника. «Песочный человек» –

тительно неординарные. Но я решил, что создание общества книголюбов мы отложим до лучших времен, а сейчас есть дела поважнее.

Я проверил полки на предмет дневников и тайников.

Алекс одолел уже все изгибы лестницы и ступил на последний марш. Тут он посмотрел вверх, и лицо его сделалось едва ли не зеленее волос.

– Магнус, ты только погляди!

Я встал рядом с ним.

Сразу за лестницей был люк с выгнутой плексигласовой крышкой. Этот люк вел на крышу. И прямо за ним стоял еще один волк.

изысканная мрачноватая серия, созданная по сценарию великого фантаста Нила Геймана. В 1991 г. «Песочный человек» стал единственным комиксом, получившим Всемирную премию фэнтези (а это что-то да значит: ведь престижнее награды для литературы в жанре фэнтези просто быть не может).

Глава IV

А хотите акцию? Два волка по цене одного!

– Какие будут предложения? – поинтересовался я.

Алекс вытянул из поясных петель золотую проволоку, служившую ему одновременно модным аксессуаром, струной для резки глины и оружием рукопашного боя.

– Я как раз подумывал, не убить ли нам его.

Волк рычал и скреб когтями крышку люка. На плексиглазе вспыхнули руны. У волচারы дымилась шерсть на морде – видно, это уже не первая его попытка вломиться в дом.

Интересно, долго ли он торчит на крыше? А ведь мог бы и другой вход поискать. Наверное, этот волк не хотел разделить печальную участь своего товарища. А, возможно, он просто был узколобым громилой и не догадывался, что в доме есть и другие комнаты.

– Ему чего-то надо, – предположил я вслух.

– Убить нас, естественно, – отозвался Алекс. – А это значит, нам нужно убить его первыми. Хочешь открыть люк или...

– Погоди. – Обычно я очень даже не прочь прикончить светящегося волка, но в этот раз меня что-то останавливало. Мне не давал покоя взгляд его холодных темных глаз. Взгляд этот был направлен мимо нас. Волк явно искал что-то другое. – А давай его впустим.

Алекс вытаращился на меня как на ненормального. Он вообще частенько так на меня смотрит.

– Может, еще предложим ему чашечку чаю? Или дадим книжку почитать?

– Он выполняет задание, – настаивал я. – Кто-то послал этих волков за каким-то предметом. Возможно, за тем же самым, что ищу я.

Поразмыслив, Алекс сказал:

– Ты, значит, решил, что это Локи отправил волков?

– Это было бы вполне... локично.

– И, если мы впустим волка, он типа приведет нас прямо-ком к тому, что мы ищем.

– Ну, вряд ли волка послали за пилюлей от расстройства желудка.

Алекс еще ослабил свой и без того болтавшийся клетчатый галстук.

– Ладно. Тогда мы открываем люк, смотрим, куда пойдет волк, и потом все равно его убиваем.

– Заметано.

Я стянул с шеи кулон. Джек принял форму меча. Он почему-то был тяжелее обычного – как капризный малыш, который разлегся на полу в супермаркете.

– Ну что еще? – вздохнул Джек. – Не видишь, что ли, мое сердце разбито и я умираю от несчастной любви?

Я мог бы сказать в ответ, что никакого сердца у него нет и в помине, да и умереть он при всем желании не может. Но это, пожалуй, было бы нечестно с моей стороны.

– Прости, Джек. У нас тут волк.

И я объяснил своему мечу, что происходит.

Клинок Джека окрасился фиалковым.

– Но эти изысканно отточенные лезвия Анаклузмос! – простонал он. – Ты видел ее лезвия?!

– Видел. Грандиозные лезвия. А теперь не дадим Локи отправиться в плавание корабль мертвецов и замутить Рагнарок! Ты как? А после мы уж постараемся устроить вам с Анаклузмос второе свидание.

Джек еще раз тяжело вздохнул:

– Волк. Крыша. Люк. Ага, понял.

Я посмотрел на Алекса и чуть не заорал. Потому что, пока я беседовал с Джеком, Алекс превратился в здорового лесного волка.

– Ну почему ты все время превращаешься за моей спиной? – пискнул я.

Алекс оскалил зубы в волчьей ухмылочке. И мотнул носом в сторону люка, мол, чего ждем? Давай, Магнус, открывай, ведь Алексу-волку с крышкой не справиться.

Я вскарабкался на верхнюю ступеньку. Там была настоящая парилка, как в теплице. Волк с той стороны сопел, пытался грызть и царапать плексиглас, оставляя на люке слюну и отметины от когтей. Должно быть, эти защитные руны – просто объедение. От такой близости волка волосы у меня на затылке завились штопором.

Вот я открою люк – и что? Руны прикончат только волка? Или заодно и меня? А вдруг они вообще деактивируются, если я впущу его внутрь по доброй воле? Тогда это будет номер один в рейтинге моих глупейших поступков.

Волк настойчиво слюнявил плексиглас.

– Эй, дружище! – позвал я.

Джек задрожал у меня в ладони:

– Ну чего?

– Да не ты, Джек. Это я с волком говорю. – Я тепло улыбнулся волчаре и тут же вспомнил, что у псовых показывать зубы означает вызов. Я быстренько перестал улыбаться и надул губы. – Я тебя сейчас впущу. Правда, очень мило с моей

стороны? А ты можешь идти, куда пожелаешь, только не ешь меня, ладно?

Волк прорычал что-то не сильно обнадеживающее.

Я со всей мощью эйнхерия навалился на люк, оттолкнул волка, а сам вылетел на плоскую крышу. И успел краем глаза заметить мангал, цветущие гибискусы и два садовых кресла, из которых открывался потрясающий вид на реку Чарльз. Нет, каков дядюшка-то, а? Скрывать такое шикарное местечко для пикников!

Волк выступил из-за распахнутого люка. Шерсть у него на загривке вздыбилась и стала как лохматый спинной плавник. Волчара смотрел одним глазом; второй, распухший, был прикрыт – веко опалило Рэндольфовой защитной руной.

– Пора? – спросил Джек без особого, впрочем, рвения в голосе.

– Еще нет.

Я согнул колени и приготовился к прыжку. Сейчас увидишь, образина, что с Магнусом Чейзом шутки плохи... Или нет, скорее увидишь, как Магнус Чейз здорово умеет сверкать пятками. Ну, в общем, сейчас разберемся, что ты там увидишь.

Волк оглядел меня здоровым глазом. Потом пренебрежительно фыркнул и устремился вниз по лестнице в библиотеку.

Я даже не знал: радоваться ли по этому поводу или считать себя оскорбленным в лучших чувствах.

Не теряя времени, я кинулся следом. Спустившись по лестнице, я застал в библиотеке рычащих Алекса и волка. Оба щерились друг на друга, выжидая, пока кто-то из них не даст слабину. Синий волк был значительно больше. Неоновое свечение в его шерсти, бесспорно, добавляло ему эффектности. Но зато он видел только одним глазом и кривился от боли. Алекс – ну, это же Алекс – ничем не выдавал своего страха. Он твердо стоял на месте, пока противник нарезал вокруг него круги.

Уверившись, что Алекс не собирается нападать первым, наш светящийся синий приятель задрал морду и принялся. Я-то думал, он сейчас рванет к книжным полкам и выдернет какой-нибудь сборник тайных морских карт или книжку под названием «Остановить корабль Локи: три простых шага». Но вместо этого волчара сиганул к камину, подпрыгнул и сцапал зубами рог для питья.

Где-то в глубине моего сознания обозначилась весьма вялая мысль, что надо бы ему как-то помешать.

Алекс меня опередил. Одним молниеносным движением он снова обернулся человеком, выступил вперед и метнул в волка свою гарроту, словно та была шаром в боулинге. (Я, вообще-то, видел, как Алекс кидает шары. Сказать по правде, с гарротой у него выходит половчее.) Золотая струна захлестнула волчью шею. Один резкий рывок назад – и волчара навеки избавлен от головной боли.

Обезглавленная туша рухнула на ковер. Раздалось шипе-

ние, и мертвый волк в считанные секунды растаял. На ковре остался только рог да несколько клочков шерсти.

Джек потяжелел в моей руке.

– Ну что ж, – скорбно произнес он, – похоже, я тебе не нужен. Я могу удалиться, дабы сочинить любовные стихи и от души порыдать. – С этими словами он превратился обратно в рунный кулон.

Алекс присел рядом с рогом:

– Как считаешь, зачем волку декоративный сосуд для питья?

Я опустился на колени, взял в руки рог и заглянул внутрь. Там я обнаружил свернутую книжицу в кожаном переплете, вроде дневника, – ее кое-как запихнули в рог. Я пролистал страницы: Рэндольфовы неразборчивые каракули перемежались с изображениями рун.

– Я считаю, – медленно проговорил я, – что мы наконец нашли подходящее произведение мертвого белого мужчины.

Мы сидели на крыше, развалившись в садовых креслах.

Я листал дядину записную книжку, пытаюсь разобраться в его безумных закорючках и странных картинках. Алекс отдыхал, потягивая из рога обнаруженный в холодильнике гуавовый сок.

Не спрашивайте, откуда в мини-холодильнике у дяди Рэндольфа гуавовый сок. Я вам точно не скажу.

Периодически Алекс причмокивал с преувеличенным ап-

петитом и вздыхал:

– А-а-ах!

Это он так дразнился.

– А вдруг из этого рога вообще пить нельзя? – поддел я его. – Может, на нем заклятие или еще чего...

Алекс схватился за горло и притворно захрипел:

– О нет! Я превращаюсь в жабу!

– Ой, да хватит.

Алекс ткнул пальцем в дневник:

– Ну как, вычитал что-нибудь?

Я смотрел на раскрытую книжицу. Перед глазами у меня плыли руны. Заметки были сделаны на нескольких языках: на древнескандинавском, на шведском и еще на каком-то тарабарском. Даже отрывки на английском выглядели полной абракадаброй. Казалось, что я читаю вузовский учебник по квантовой физике в зеркале.

– Если честно, я не очень-то врубаюсь, – признался я. – Первые страницы как будто про то, как Рэндольф искал Меч Лета. Тут хоть попадается что-то знакомое. А вот в конце...

Последние страницы заполнялись совсем уж торопливо. Почерк у Рэндольфа сделался неверным и каким-то бешеным. На бумаге в разных местах засохли кровавые пятна. В захоронении викингов-зомби, в Провинстауне, я оттяпал Рэндольфу несколько пальцев. Наверное, эти строчки он писал нерабочей рукой. Бледные каракули напоминали мне мой собственный почерк в начальной школе – когда учитель-

ница заставляла меня писать правой вместо левой.

На последней странице Рэндольф нацарапал мое имя: «Магнус».

А под именем был рисунок: две змеи переплелись в форме восьмерки. Рисовальщик из Рэндольфа никудышный, но символ я сразу узнал. У Алекса была такая же татуировка сзади на шее: знак Локи.

А ниже шло какое-то слово, видимо, на древнескандинавском: *mjóð*. А потом еще несколько фраз по-английски: «Победить Л. Точило Бёльверка > стражи. Где?»

Последнее слово загибалось книзу, знак вопроса еле-еле читался.

– Что скажешь? – спросил я, протягивая книжицу Алексу. Тот нахмурился:

– Это точно мамин символ.

(Нет-нет, это не оговорка. Локи обычно принимает обличье мужчины, но так уж случилось, что Алексу он приходится матерью. Долгая история.)

– А остальное? – не отставал я.

– Мычащее словечко, только буквы какие-то нелепые. Может, у скандинавских коров такой акцент?

– В смысле, ты не читаешь на древнескандинавском или какой это язык?

– Магнус, внимание, сенсация: я не обладаю всеми талантами на свете! Только самыми важными.

Алекс прищурился и погрузился в сосредоточенное изу-

чение последней заметки. При этом уголок его рта слегка кривился, словно он мысленно над чем-то похихикивал. Меня это, признаться, раздражало. Что он там вычитал такого смешного?

– «Победить Л.», – прочел вслух Алекс. – Допустим, «Л.» – это Локи. Точило Бёльверка... Может, что-то вроде камня Скофнунг?

Меня всего передернуло. Камень Скофнунг и саму Скофнунг мы потеряли во время свадебного пира в пещере Локи, когда тот освободился от пут, что удерживали его тысячу лет. (Эх, промашечка тогда вышла.) Этот камень глаза бы мои больше не видели, если честно.

– Надеюсь, что нет, – ответил я. – А что это за имечко – Бёльверк?

– Без понятия. – Алекс наконец допил свой гуавовый сок. – Ну, как будто рог испит до дна. А можно я его себе возьму?

– Да на здоровье. – Мне почему-то даже понравилось, что Алекс заберет что-нибудь на память из моего родового гнезда. – Выходит, если Рэндольф хотел, чтобы я нашел эту книжку, а Локи послал волков на перехват, то...

Алекс швырнул дневник мне:

– Допустим, все так и есть, и допустим, это не ловушка, и допустим, эти заметки не каляки-маляки психа.

– Ну... допустим. И что?

– Как тебе такой сценарий: твой дядя решает, что кто-то

должен победить Локи. Сам он не справился, зато он верит в тебя. И его план включает точило, Бёльверка и, вероятно, скандинавскую корову.

– Не больно-то перспективный сценарий.

Алекс потрогал пальцем кончик рога:

– Жаль рушить твои надежды, но все попытки победить Локи заканчивались провалом. И мы это знаем. – Это прозвучало неожиданно грустно.

– А, ты, наверное, о тренировках с Сэм, – догадался я. – И как они идут?

По лицу Алекса все стало ясно.

У Локи целая уйма всяких неприятных качеств. В том числе и такое: в присутствии Локи его дети полностью подчиняются его воле и выполняют любые его указания. Что, разумеется, превращает семейные посиделки в сомнительное развлечение.

Но вот Алекс был исключением. Он как-то выучился сопротивляться могуществу своего родителя. Последние полтора месяца он пытался обучить тому же и свою единокровную сестру Самиру аль Аббас. Никто из них двоих особо не распространялся об этих занятиях, из чего следовало, что дела идут не очень.

– Она старается, – уклончиво ответил Алекс. – Только все осложняется этим ее... – И тут он осекся.

– Чем?

– Да ничем. Я обещал никому не рассказывать.

– Ага, чтоб я от любопытства умер! А с Амиром-то у них все хорошо?

– Лучше не бывает, – фыркнул Алекс. – Они же по уши влюблены. Считают дни до свадьбы. За ними глаз да глаз нужен, а то они такие легкомысленные. Могут, чего доброго, и за ручки взяться.

– И что же тогда у Сэм стряслось?

Но Алекс пропустил мой вопрос мимо ушей.

– Я вот что тебе скажу, – заявил он. – Не доверяй ничему, что исходит от дяди Рэндольфа. Ни советам в этой книжке. Ни этому дому. Ничему, что получишь в наследство... Потому что за все это тебе придется как-то платить.

Довольно странно было слышать это от Алекса. Сидит тут, развалившись, у дяди Рэндольфа на роскошной крыше, любуется видом, потягивает гуавовый сок из викингского рога да еще критикует мое наследство. Такое впечатление, что Алекс имел в виду что-то свое, а вовсе не моего злополучного родственника.

– Ты почти не рассказывал мне о своей семье, – заметил я. – В смысле, о ее смертной части.

Алекс бросил на меня сумрачный взгляд:

– И сейчас начинать не стану. Знай ты хоть половину из того...

ВЖИХХХ! Просвистели крылья, затрепетали черные перья, и на ботинок Алексу уселся черный ворон.

В Бостоне не так уж много черных воронов. Всякие там

казарки, чайки, утки, голуби, даже ястребы – это пожалуй-ста. Но когда к вам на ботинок ни с того ни с сего вдруг садится здоровенный черный хищник, это может означать только одно: послание из Вальгаллы.

Алекс протянул руку. (Вообще-то, с воронами так делать не рекомендуется. Очень уж больно они щиплются.) Птица скакнула на запястье и срыгнула Алексу в ладонь увесистый комочек величиной с орех. После чего с чувством выполненного долга улетела.

Ну да, вот такая у нас срыгни-почта. Воронов природа наделила способностью срыгивать все несъедобное: шерсть, например, или кости. Поэтому они легко и непринужденно могут заглотить капсулу с посланием и срыгнуть ее по назначению в любом из Девяти Миров. По мне, работенка у воронов очень даже на любителя, но тут уж не мне судить.

Алекс раскрыл комочек, развернул письмо и углубился в чтение. Уголок его рта снова поехал вбок.

– Это от Ти Джея, – сообщил он. – Похоже, мы сегодня отчаливаем. То есть прямо сейчас.

Я так и подскочил в своем шикарном кресле:

– Что?! Почему?!

Конечно, я знал, что времени у нас в обрез. Нам нужно было отплыть поскорее, чтобы успеть добраться до корабля Локи, пока не настало летнее солнцестояние. Но одно дело «поскорее», а другое – «прямо сейчас». Я вот, например, небольшой фанат «прямо сейчас».

Алекс продолжал читать.

– Ну, не знаю, – отозвался он. – Наверное, что-то с приливом. Давай-ка я лучше заберу с учебы Самиру. У нее как раз занятия по матанализу. Не очень-то она обрадуется.

Алекс поднялся и протянул мне руку.

А я не хотел подниматься. Вот бы остаться тут на веки вечные! Сидели бы с Алексом и любовались, как послепопуденное солнце перекрашивает реку Чарльз из синей в янтарную... Почитали бы что-нибудь из Рэндольфова старья в бумажных обложках... Попили бы гуавового сока... Но ворон срыгнул для нас приказ. А со служащим срыгни-почты особо не поспоришь.

Я ухватил Алекса за руку и тоже поднялся из кресла:

– Мне с тобой?

– Да нет же, дурень, – нахмурился Алекс. – Ты двигай назад, в Вальгаллу. Корабль-то у тебя. И, кстати, ты остальным сказал о...

– Не-а, – ответил я и покраснел до ушей. – Не успел.

Алекс расхохотался:

– Тогда прикольно. Нас с Сэм не ждите. Мы где-нибудь по дороге запрыгнем!

Я хотел спросить, как им, интересно, это удастся, но Алекс уже обернулся фламинго и взмыл в небеса. То-то будет нынче праздник у бостонских орнитологов-любителей.

Глава V

**Я говорю слова прощания Эрику,
Эрику, Эрику, а также Эрику**

Легенды гласят, что у Вальгаллы 540 дверей, удобно расположенных по всем Девяти Мирам. Что называется, добро пожаловать в любое время!

Но в легендах почему-то забыли упомянуть, что одна из этих дверей расположена в магазине Forever 21 на Ньюбери-стрит. И как раз в отделе женской спортивной одежды.

Этим входом я обычно предпочитал не пользоваться, но он оказался ближе всего к особняку дяди Рэндольфа. Никто

в Вальгалле не возьмется объяснить, зачем было размещать дверь именно там. Некоторые предполагали, что вход сделали до того, как появился магазин розничной торговли. Но я лично думаю, что это один из милых приколов Одина – потому что среди его эйнхериев полно таких, кому и впрямь навеки двадцать один. Или навеки шестнадцать. Или навеки шестьдесят.

Мой друг Блитцен питал к этому входу особую неприязнь. Стоило мне лишь заикнуться о Forever 21, как гном разражался напыщенной речью о том, насколько одежда его бренда качественнее. И говорил что-то насчет длины юбок. В общем, все в таком духе.

Я прогулялся по отделу белья, провожаемый подозрительным взглядом продавщицы, и нырнул прямо между вешалок со спортивной одеждой. А вынырнул в одном из игровых залов отеля «Вальгалла». Там полным ходом шла игра в поло, только викинги вместо клюшек использовали копья. (Совет: никогда не становитесь у викинга за спиной, когда он замахивается перед ударом.) Эрик Зеленый со сто тридцать пятого этажа сердечно меня приветствовал (по моим подсчетам, примерно 72 % населения Вальгаллы носят имя Эрик.)

– Привет тебе, Магнус Чейз! – Эрик указал на мое плечо. – Тут к тебе немного спандекса прилипло!

– Ой, спасибо. – Отцепив от своей футболки штаны для йоги, я швырнул их в корзину с надписью «На возврат» и отправился разыскивать друзей.

Ходить по отелю «Вальгалла» никогда не приедается. Во всяком случае, мне пока не надоело, и эйнхерии, которые живут тут уже сотни лет, говорят то же самое. Спасибо могуществу Одина, магии норн, ну и магазину ИКЕА у нас под боком: обстановка отеля то и дело обновляется. Правда, в здешнем интерьере всегда наткнуто копий и наставлено щитов. И, к тому же, на мой вкус, дизайнеры перебарщивают в декоре с волчьей темой.

В поисках лифтов мне пришлось пройти коридорами, которые с утра успели изменить и размер и расположение, и миновать какие-то новые помещения. В одном просторном, отделанном дубовыми панелями зале играли в шаффлборд: только вместо киев были весла, а вместо шайб – боевые щиты¹⁴. Многие игроки щеголяли в гипсовых лонгетах на ногах и бинтах на голове, а руки у них покоились в повязках. Оно и понятно: порядочный эйнхерий играет в шаффлборд не на жизнь, а на смерть.

Главное фойе было застелено ковром глубокого багряного оттенка – на таком пятна крови совершенно незаметны. На стенах висели гобелены, изображающие битву валькирий с огненными великанами. Дивные произведения, хотя, признаться, обилие факелов рядом с гобеленами меня несколько

---

¹⁴ *Шаффлборд* – старинная английская игра; в нее играют на размеченном столе или корте. В игре используются кии особой формы (не как бильярдные, а действительно смахивающие на весла) и шайбы. Смысл игры в том, чтобы загнать шайбу на определенные линии. Шаффлборд называют еще палубным хоккеем – очень уж удобно в него играть на палубе круизного лайнера.

ко нервировало. В Вальгалле довольно небрежно относятся к правилам безопасности. Мне вот, например, стореть до смерти совсем не улыбалось. (Это один из двух моих самых нелюбимых способов умереть. Второй: подавиться мятным леденцом, которые дают в трапезной на десерт.)

Лифт вез меня на девятнадцатый этаж. Музыка в кабине, к несчастью, звучала все та же: Фрэнк Синатра на норвежском. Здорово, что я хоть живу на невысоком этаже. Живи я на каком-нибудь из сотых, давно бы уже озверел похлеще любого берсерка.

На девятнадцатом этаже царило необычное спокойствие. Из номера Томаса Джефферсона-младшего не доносились звуки видеорезни (павшие бойцы Гражданской войны обожают видеоигры почти так же, как штурм вражеских фортов.) И Мэллори Кин не отрабатывала в коридоре метание ножей. Номер Хафборна Гундерсона вообще стоял открытый настежь, и там хозяйничала стайка воронов – они кружили по библиотеке и оружейне и стирали пыль с его книг и боевых топоров. А самого здоровяка нигде не было видно.

Мой номер только что прибрали. Постель застелили. Деревья в атриуме подровняли, лужайку подстригли (вот, кстати, загадка: как вороны управляются с газонокосилкой?). На кофейном столике лежала записка, написанная изящным почерком Ти Джея:

Мы на причале 23, подуровень 6. Приходи туда!

Телевизор, настроенный на канал отеля «Вальгалла», де-

монстрировал список сегодняшних развлечений: сквош, пулемет-таг (как лазертаг, только с пулеметами), урок рисования акварелью, мастер-класс по итальянской кухне, занятие по продвинутому затачиванию меча и еще какая-то непонятная забава под названием «перебранка» – и все, ясное дело, не на жизнь, а на смерть.

Я с тоской уставился на экран. Никогда не мечтал об уроке рисования не на жизнь, а на смерть, но в данный момент я бы, пожалуй, охотно рассмотрел и такой вариант. По крайней мере, на первый взгляд, это как будто проще, чем то путешествие, которое я собирался предпринять с причала 23, подуровень 6.

Однако перво-наперво я смыл с себя под душем запахи Бостонской гавани. Переоделся. Взял дежурный рюкзак с вещами первой необходимости: походные принадлежности, самый основной провиант и, разумеется, несколько плиток шоколада.

При всем роскошестве моего номера личных вещей у меня было не так уж много: несколько любимых книжек да снимки из моего прошлого, которые появлялись волшебным образом, мало-помалу заполняя пространство на каминной полке.

Отель ведь не навеки стал моим домом. Мы, эйнхерии, живем тут столетиями, и все же Вальгалла – лишь остановка на пути к Рагнароку. Отель буквально оваян аурой скоротечности и предвкушения. «Ты тут сильно-то не рассяжи-

вайся, – словно бы предупреждает он. – С минуты на минуту тебя призовут в последний бой Судного дня, и ты падешь на поле битвы окончательно и бесповоротно. Урра-а-а!»

Я оглядел свое отражение в высоком, в полный рост, зеркале. Даже и не знаю, зачем я это сделал. Два года я прожил на улице, и в эти годы внешность меня заботила меньше всего на свете. Но в один прекрасный миг в моей жизни возникает Алекс Фьерро и начинает меня безжалостно дразнить, если я не слежу за собой. Ну, вот и приходится обращать внимание на такие вещи.

И, кроме того, в Вальгалле, если хоть иногда не посматривать на себя в зеркало, можно целую вечность проходить с вороньим пометом на плече или со стрелой в заднице. Или со штанами для йоги на шее.

Походные ботинки: есть. Пара новых джинсов: есть. Зеленая футболка с логотипом Вальгаллы: есть. Пуховик на случай экспедиций в арктические воды и падения с мачты: есть. Рунный кулон, он же волшебный меч, страдающий от несчастной любви: есть.

После двух лет на улице я никак не могу привыкнуть, что лицо у меня такое чистое. И к новой стрижке не могу привыкнуть. В первый раз Блитц постриг меня во время нашего похода в Йотунхейм. А потом, когда я оброс, за дело взялась Алекс: она меня подровняла так, чтобы челка падала на глаза, а на затылке волосы доходили до воротника. Я-то не возражал, что мои космы взлохмачены и торчат как попало,

но Алекс с таким упоением укрощала мои светлые локоны, что у меня язык не повернулся ей отказать. «Великолепно! – восхитилась Алекс. – Хотя чуточку стал выглядеть приличнее. Только все равно мрачный».

Записную книжку Рэндольфа я засунул в карман вместе с еще одной штуковиной, о которой старался не думать. С носовым платком, который дал мне мой отец.

Я вздохнул и сказал Магнусу в зеркале:

– Ну что, сэр, пора вам в путь-дорогу. Друзьям не терпится над вами поржать.

– А вот и он! – воскликнул Хафборн Гундерсон, непревзойденный берсерк и наш Капитан Очевидность.

Хафборн ринулся ко мне навстречу с грацией тяжелого грузовика. Волосы у него были еще всклокоченнее, чем мои в бытность бездомным. (Подозреваю, он стрижет их сам, орудуя боевым топором в темноте.) Вопреки обыкновению, сегодня он облачился в футболку. Впрочем, это не помогло скрыть две горы татуированных мышц, которые у него были вместо рук. К спине у Хафборна был приторочен боевой топор по имени Боевой Топор, а к кожаным штанинам подвешено с полдюжины ножей.

Хафборн заключил меня в медвежьи объятия и приподнял, по всей вероятности проверяя на прочность мою грудную клетку. Видимо, результат его удовлетворил, поскольку он вернул меня на землю и оживленно похлопал по плечам.

– Ну что, готов к походу? – проревел он. – Я готов!

Мэллори Кин сворачивала в бухту трос, стоя на краю причала.

– Да заткнешься ты или нет, дубина? – проорала она оттуда. – Надо бы тебя вместо руля поставить!

Хафборн весь побагровел, но даже не глянул в сторону Мэллори.

– Я все стараюсь не пришибить ее, Магнус. Честно, стараюсь. Но до чего ж мне непросто! Я лучше делом займусь, а то как бы не пришлось мне после жалеть о содеянном. Носовой платок при тебе?

– Э-э... ну да, только...

– Вот и славно. Время не ждет!

Он протопал назад к причальной стенке и принялся разбирать свои пожитки: огромные холщовые сумки, доверху набитые – точно вам говорю! – всяческой жратвой и запасными кожаными штанами.

Я оглядел причал 23, подуровень 6. Вдоль стены по левую руку неслась река: она вырывалась из туннеля, похожего на железнодорожный, и исчезала в таком же туннеле на другой стороне. Потолок из гладких дощечек имел выгнутую форму, и от этого казалось, будто мы все находимся в каком-то старинном пивном бочонке. Припасы и багаж громоздились вдоль причала в ожидании погрузки.

На дальнем краю Томас Джефферсон-младший беседовал с управляющим отеля Хельги и швейцаром Хундингом. Все

они изучали какую-то бумагу, прикрепленную к планшету. К бумагам я питаю стойкую антипатию, равно как и к Хельги. Поэтому я направился напрямик к Мэллори, которая утрамбовывала железные крючья-«кошки» в джутовый мешок.

Оделась она в черный мех и черную джинсу; рыжие волосы стянула на затылке тугим узлом. В свете факела ее веснушки полыхали оранжевым. И, как обычно, по бокам у нее свисали два проверенных ножа.

– Все хорошо? – осведомился я, потому что все определено было нехорошо.

Мэллори насупилась:

– Хоть ты-то не начинай, мистер... – И тут она припечатала меня каким-то гаэльским словом, смысла которого я не знал. Впрочем, оно вряд ли означало «милый друг». – Ждем тебя и корабль.

– А где Блитцен с Хэртстоуном?

Я уже несколько недель не виделся со своими закадычными друзьями гномом и эльфом. Так здорово, что они идут с нами в плавание! (Хотя бы что-то в этом плавании подпадает под определение «здорово».)

Мэллори нетерпеливо буркнула:

– Мы захватим их по пути.

Это могло означать, что мы захватим их где-то в Бостоне или в каком-нибудь другом мире, но Мэллори, кажется, была не в настроении сообщать мне подробности. Она посмотрела мне за спину и недовольно нахмурилась:

– А где Алекс и Самира?

– Алекс сказал, они запрыгнут по дороге.

– Ну, тогда ладно. – Мэллори махнула рукой в сторону Хельги. – Иди, выпиши нас.

– Выписать нас?

– Да, выпиши, – медленно проговорила она, давая мне понять, какой я тормоз. – У Хельги. Управляющего. Давай уже, иди!

В руках она держала пригоршню «кошек», так что я почел за благо не спорить.

Ти Джей поставил ногу на армейский сундучок; за спиной у него болталась винтовка. Медные пуговицы на военном мундире так и сверкали. Он приветствовал меня, коснувшись своей солдатской фуражки:

– Наконец-то, друг мой!

Хельги с Хундингом нервно переглянулись. Примерно так же они переглядываются, когда Один объявляет очередной выездной корпоративчик.

– Магнус Чейз, – заупокойным голосом начал Хельги, тебя лопатистую бороду. Одет он был, как обычно, в полосатый зеленый костюм. Хельги, вероятно, считал, что в костюме похож на профессионала гостиничного бизнеса. Но на самом деле он походил исключительно на викинга, нарядившегося в зеленый костюм. – Мы уже стали тревожиться. Прилив начнется с минуты на минуту.

Я покосился на поток, бегущий из туннеля в туннель.

Некоторые подземные реки текут и через Вальгаллу тоже, только я не очень понимал, как на них действует этот самый прилив. По-моему, у нас весьма ограниченные возможности для использования прилива в своих интересах. Потому что стоит реке подняться – и мы все окажемся под водой. Но я ведь беседовал с двумя мертвыми викингками и рядовым армии северян, так что логика тут в принципе ни при чем.

– Простите, – пробормотал я. – Я просто... – И я неопределенно махнул рукой, намекая на то, что все это время я расшифровывал таинственные послания, дрался с волками и ломал конечности в Бостонской гавани.

Ти Джей прямо весь дрожал от нетерпения:

– А корабль-то у тебя? Дай уже взглянуть! Не томи, а?

– Ага, – просипел я. И я полез в свой рюкзак. Носовой платок, как назло, завалился на самое дно.

Хундинг заламывал руки. Пуговицы у него на форме были застегнуты вкривь и вкось, словно нынче утром он одевался в страшной спешке.

– Ты же его не потерял, нет? А я ведь предупреждал тебя: не оставляй магические предметы без присмотра в номере! Я приказал воронам-уборщикам, чтобы они его не трогали. «Это боевой корабль, – сказал я им, – а никакой не носовой платок!» Но они все норовили постирать его вместе с бельем. И если теперь он пропал...

– Тогда это будет твоя вина, – рыкнул на швейцара Хельги. – За девятнадцатый этаж ты отвечаешь!

Хундинг скривился. У них с Хельги многовековая вражда. Управляющий пользуется любой возможностью, чтобы заставить Хундинга работать сверхурочно. Например, жечь мусор в топке или мыть из шланга ловушки для линдвормов.

– Все нормально. – Я вытянул наконец наружу нужную тряпицу. – Видите? Вот он. Хундинг, а это тебе. – И я вручил ему плитку шоколада. – Присмотришь за моим номером, пока меня не будет, ладно? Спасибо заранее.

Взгляд швейцара затуманился.

– Сынок, ты просто чудо. Оставляй магические предметы без присмотра, сколько влезет!

Я пролистнул с десятков страниц, плотненько заполненных канцелярской галиматьей. На некоторые фразы я нарочно старался не обращать внимания. Например, «В случае гибели в результате нападения белки...» или «В случае расчленения за пределами территории отеля собственник ответственности не несет». Понятно, почему мои друзья предпочитали линять из отеля без разрешения. Заполнение гостиничных бланков – просто взрыв мозга!

Ти Джей прокашлялся:

– Кхм, Магнус, а может, пока ты все подписываешь, я соворю корабль? Можно, а?! Страсть как хочется уже вести в бой этот полк!

Еще бы. Он-то полностью экипирован всеми этими патронными сумками, кухонными прибрдами и солдатским ранцем. Хватит на месяц похода. Глаза у Ти Джея сверкали

поярче его штыка. Ти Джей у нас на девятнадцатом этаже – голос разума, так что я рад иметь такого товарища. Если бы еще не его страсть ходить в любовую атаку на врага...

– Ага, – кивнул я. – Конечно, давай.

– Эге-гей! – завопил он и, выдернув у меня из рук платок, рванул к воде.

Я подписал все нужные бумаги. В пункты про порядок разрешения споров в случае, если мы сгорим в горниле Муспелльхейма или нас развоплотят инеистые великаны¹⁵, я благоразумно решил не углубляться.

Когда я вручил планшет Хельги, управляющий нахмурился:

– Ты уверен, что внимательно все прочел?

– Ну... да. Я очень быстро читаю.

Хельги сжал мое плечо:

– Что ж, тогда удачи, Магнус Чейз, сын Фрея! И, помни, ты обязан остановить корабль мертвецов Нагльфар и не дать ему покинуть гавань в летнее солнцестояние...

– Я знаю.

– ...или начнется Рагнарок.

– Ну да.

– А это значит, что ремонт трапезной никогда не будет завершен, а на двести сорок втором этаже никогда не подклю-

---

¹⁵ Снорри Стурлусон вам непременно поведал бы, что *инеистые великаны* – это то же самое, что морозные. Но «инеистые» ведь звучит красивее, правда же? Наверное, поэтому Снорри все же предпочел именно это слово, когда сочинял «Младшую Эдду». Как и Хельги в своей официальной бумаге.

чат высокоскоростной Интернет.

Я мрачно кивнул. Вешать на меня ответственность за Интернет на целом этаже – это, по-моему, уже перебор. У меня и так забот хватает.

– Мы справимся. Не волнуйтесь.

Хельги опять подергал бороду:

– Но если вдруг из-за тебя случится Рагнарок, будь любезен, возвращайся сюда как можно скорее. Или эсэмэску пошли.

– Ладно. В смысле – эсэмэску?!

Насколько я знал, персонал отеля всегда пользовался срыгни-почтой. Ни у кого из служащих и номера-то не было. По мобильному поболтать – это уж нет, увольте. А вот зубы кому заговорить – это они всегда и с удовольствием.

– Все постояльцы должны перед выпиской заполнить выездные анкеты, – продолжал Хельги. – И только потом отправляться на бой Судного дня. Так мы упростим процесс их гибели. Если не сможешь вернуться, пришли тогда анкету по почте. И, если тебя не затруднит, поставь «превосходно» везде, где оценивается управляющий. Буду тебе чрезвычайно признателен. А то ведь эти анкеты Один читает.

– Но если мы все равно погибнем...

– Вот и молодец! – Хельги похлопал меня по плечу. – Ну что ж, покойтесь в мире... в смысле, плывите с миром.

Сунув планшет под мышку, он зашагал прочь. Наверное, отправился проверять, как там продвигается ремонт трапез-

ной.

– Сам не знает, что несет, – вздохнул Хундинг. – Спасибо тебе за шоколад, мой мальчик. Хотел бы сделать для тебя нечто стоящее.

У меня аж мурашки по коже забегали от волнения. Пока я жил в отеле, Хундинг был моим самым надежным источником информации. Он знал, где зарыты все собаки – в прямом смысле слова. Он знал все секреты доставки еды в номера и всегда мог объяснить, как пройти из фойе на балкон над рощей Гласир, минуя вереницу сувенирных лавок. Хундинг был просто ходячая Викингпедия.

Поэтому я вытащил из кармана записную книжку дяди Рэндольфа и, раскрыв ее на последней странице, протянул швейцару.

– Не знаешь случайно, что значит это слово? – спросил я, указывая на *tjöd*.

Хундинг рассмеялся:

– Конечно, знаю. Это же «мед»!

– Э-э-э... Да? То есть коровы тут ни при чем?

– Коровы?

– Да так, не важно. А вот это имя – Бёльверк?

Хундинга пробрала дрожь такой силы, что он едва не выронил шоколадку.

– Бёльверк? Нет, только не это! Нет, нет и нет! А что это вообще за книжка? И с какой стати ты...

– А-а-а! – дурным голосом заорал от причала Хаф-борн. –

Магнус, давай живей сюда!

Река начала вспучиваться, высокие пенные волны уже перехлестывали через причал. Ти Джей отчаянно тряс носовым платком, выкрикивая:

– Ну как же он действует?! Как он действует?!

До меня как-то сразу не дошло, что складной корабль, будучи подарком от моего отца, настроен только на меня. И я помчался на выручку.

Мэллори и Хафборн, суетливо толкаясь, подбирали свои пожитки.

– У нас осталась минута! – голосил Хафборн. – Сейчас волна поднимется и все тут затопит!

Я забрал у Ти Джея платок и попытался унять дрожь в руках. Я пробовал уже разворачивать тряпицу, правда, на более спокойной воде. Один раз я проделал это сам, второй раз вместе с Алекс. И все равно мне не очень-то верилось, что эта штука сработает. В общем, на успех я не надеялся.

Я резким движением кинул платок в реку. Как только тряпица коснулась поверхности воды, ее уголки разогнулись, потом еще раз, а потом еще. И продолжали разгибаться дальше. Ну, знаете, будто прокручиваешь ускоренно мультик, в котором из деталей лего сама собой собирается модель. Раз-два – и у причала закачался на якоре настоящий викингский корабль, то есть драккар. Бурные речные воды пенились вокруг его кормы.

И хоть бы кто восхитился: мол, какой у него точеный кор-

пус! И с каким вкусом развешаны вдоль бортов щиты! И как чудесно торчат из бортов пять пар весел, готовые грести куда угодно! Никто не затаил дыхание при виде искусно вырезанной драконьей головы на носу. Но никто не поразился размерам драккара – а ведь он был куда вместительнее обычных викингских ладей. Никто не заметил, что у него даже имеется крытая нижняя палуба и нам не придется спать под снегом и дождем.

Первой раскрыла рот Мэллори:

– Слушай, а откуда этот цвет?

Ти Джей нахмурился:

– Почему он такой...

– Я не знаю! – простонал я. – Я не знаю, почему он желтый!

Мой отец Фрей отправил мне корабль несколько недель назад с заверениями, что лучше судна для нашего путешествия ввек не сыскать. Корабль доставит нас в любое назначенное место. Он защитит нас в самых коварных водах.

Мои друзья были вне себя от радости. Они верили мне на слово, даже после того, как я отказался устроить предпоказ корабля.

Почему, ну, скажите на милость, почему моему отцу взбрело в голову сделать его цыплячье-канареечно-одуванчикового цвета?!

Все на корабле было кислотного, вырвиглазного желтого оттенка: такелаж, щиты, корпус, паруса, руль, даже драконья

голова! И киль, скрывавшийся под водой, — я-то это знал — тоже полыхал желтым. Наверное, мы ослепим всех рыб на своем пути.

— Сейчас это не главное! — крикнул Хафборн, бросив на меня суровый взгляд, как будто на самом деле это было главнее всего. — Грузитесь! Живо!

Из верхнего по течению туннеля донесся грохот — словно на полном ходу приближался товарняк. Корабль стукнуло бортом о причал. Хафборн бросал наши вещи на палубу, Ти Джей вытягивал якорь, а мы с Мэллори из последних эйнхериевых сил удерживали швартовы.

Наконец все пожитки приземлились на палубе. Из туннеля у нас за кормой надвигалась водная стена.

— Отчаливаем! — гаркнул Ти Джей.

Мы поспешно запрыгнули на борт, и мощная волна поддала нам в корму. Хороший такой вышел пендель — все равно как стотонным тапком двинули под зад.

Я бросил последний взгляд на причал. Хундинг стоял по колено в воде, стискивая в руке шоколадку. Он смотрел, как нас вышвыривает во мрак, и лицо у него было белее мела. Такое впечатление, что за долгие века общения с мертвецами в Вальгалле он впервые увидел призрак.

Глава VI

Ногти выходят из-под контроля

В общем и целом реки мне нравятся. Я люблю их в том же состоянии, в каком люблю врагов – ленивыми, расслабленными и неспешными.

Но мало ли что я люблю. Ха-ха.

Корабль куда-то тащило в почти кромешной тьме. Мои друзья метались по палубе, дергая за шкоты и спотыкаясь о весла. Корабль мотало из стороны в сторону, и у меня было ощущение, что я занимаюсь серфингом на маятнике. Мэллори всей тяжестью повисла на руле, пытаюсь удержать нас на середине течения.

– Да не стой ты как столб! – заорала она на меня. – Помогай!

Правду гласит старая пословица: моряком на суше не станешь. Или как-то так.

В общем, это к вопросу о моих занятиях мореходным делом.

Все, чему меня учил Перси Джексон, мигом улетучилось из моей головы. Я уже не отличал правого борта от левого, кормы от юта. Я забыл, как отражать нападения акул и как правильно падать с мачты. Я просто поскакал по палубе, вереща:

– Иду-иду!

Хотя сам понятия не имел, куда идти и что делать.

Мы неслись по туннелю на немыслимой скорости, нас крутило и окатывало волнами. Наша сложенная мачта скребла о свод. Кончики весел чиркали по каменным стенам, оставляя искристые желтые отметины – словно феечки катались по стенам на коньках.

Ти Джей пронесся по направлению к носу, едва не насадив меня на штык.

– Магнус, держи линь! – рявкнул он, тыкая разом во все веревки на этом драккаре.

Я вцепился в ближайшую снасть и потянул ее со всей силы, отчаянно надеясь, что это тот самый линь или хотя бы что я выгляжу дико полезным, даже если делаю что-то не то.

Один за другим мы проходили, подскакивая, целую чере-

ду порогов. Мои зубы отстукивали телеграфные сообщения. Ледяные волны перехлестывали через щиты на борту. Потом туннель расширился, и откуда ни возмись посреди него выросла скала, в которую мы тут же врезались бортом. Корабль крутануло на триста шестьдесят градусов. Мы резво ухнули с вершины водопада, устремляясь навстречу верной гибели. И в этот самый миг воздух превратился в холодный туманистый суп... все погрузилось во тьму...

А что, самое время для отличного видения!

Я стоял на палубе какого-то другого корабля.

Вдалеке высились ледяные утесы. Они опоясывали широкую заледенелую бухту. Воздух был такой морозный, что рукава моей куртки тут же покрылись коркой льда. Под ногами у меня были не доски, а какое-то неровное блестящее покрытие вроде панциря броненосца.

И все судно – викингский корабль размером с авиа-носец – было сделано из этого же материала. К несчастью, я догадывался, что это за материал. Состриженные ногти с рук и ног бесчестных мертвецов-зомби. Миллиарды и миллиарды мерзких обрезков. И все ладно пригнаны друг к дружке с помощью волшебства. Готичный такой педикюрчик. А в результате получился Нагельфар, корабль из ногтей, известный также как корабль мертвецов.

У меня над головой серые паруса полоскались на студенном ветру.

По палубе шаркали иссохшие тела в ржавых доспехах –

драугры, древнескандинавские зомби. Меж ними прохаживались великаны, выкрикивая команды и раздавая тумаки. Краем глаза я различил еще какие-то темные бестелесные фигуры: может, волки, может, змеи или кони-скелеты, сотканные из дыма.

– Смотрите-ка, кто к нам пожаловал! – отчеканил кто-то бодрым голосом.

Прямо передо мной стоял Локи собственной персоной – в белой адмиральской форме. Пряди цвета осенних листьев выбивались из-под фуражки. Радужки его глаз налились янтарным золотом, почти поглотив зрачки. Лицо у него было обезображено змеиным ядом, который веками капал ему на лоб, на искривленных губах остались шрамы, после того как один гном со злости однажды зашил ему рот. И при всем при этом Локи улыбался такой обезоруживающей искренней улыбкой, что просто невозможно было не улыбнуться ему в ответ.

– Явился навестить меня? – приветливо спросил Локи. – Ну, просто зашибись! Милости просим!

Мне очень хотелось на него наорать. За то, что он убил моего дядю, мучил моих друзей, пустил под откос мою жизнь и заставил меня полгода маяться несварением желудка на нервной почве. Но мое горло точно залили цементом.

– Что, сказать нечего? – хихикнул Локи. – А и не надо. Давай-ка лучше я поговорю. Сперва дружеское предупреждение: крепко подумай, прежде чем следовать указаниям Рэн-

дольфа. – Он изобразил на лице сочувствие. – Боюсь, бедолага малость сбрендил перед смертью. Поэтому внимать его советам – чистое безумие.

Я бы с удовольствием придушил Локи, но руки отчего-то стали будто свинцовые. Я опустил взгляд: ногти у меня на руках росли с невообразимой скоростью и тянулись к палубе, как корни тянутся к земле. Обувь вдруг сделалась мне тесна. Я откуда-то уже знал, что ногти на ногах тоже удлинняются, протыкают носки и пытаются вырваться из плена походных ботинок.

– Что еще? – Локи постучал пальцем по подбородку. – Ах да! Гляди-ка!

Он махнул рукой мимо отрядов шаркающих мертвецов, в сторону бухты: дескать, а теперь, Магнус, сюрприз! На туманном горизонте ледяной утес отделялся от суши, обрушивая в воду каскады ледяных осколков. Через полсекунды до меня докатился звук: приглушенный рокот, словно гром через плотную завесу облаков.

– Мощно, а? – просиял Локи. – Льды тают куда быстрее, чем я рассчитывал. Обожаю глобальное потепление. Мы отчалим еще до конца недели, так что вы, ребята, боюсь, так и так опоздали. Я бы на твоём месте развернулся и отправился назад, в Вальгаллу. У тебя еще несколько дней в запасе: хоть их проживешь в свое удовольствие. Мог бы на йогу походить, например. А там, глядишь, и Рагнарøk нагрянет.

Мои непокорные ногти на руках уже касались палубы и

начали вплетаться в блестящую поверхность, таща меня за собой, заставляя согнуться. Ногти на ногах прорвались через носки ботинок, пригвоздив меня к месту. А мертвецкие ногти тем временем принялись оплетать меня, как плющ, протискиваясь под шнурками и подбираясь к лодыжкам.

Локи смотрел на меня сверху вниз со снисходительной улыбкой, точно на малыша, делающего первые шаги.

– Да, чудесная неделя для Судного дня. Но если уж тебе так приспичило бросить мне вызов... – Он со вздохом покачал головой, всем своим видом говоря: «Ох уж эта молодежь со своим ребячеством». – Не вмешивай в это моих детей, договорились? Бедняжки Сэм и Алекс. Им уже и так досталось. Если они хоть что-то для тебя значат... Это путешествие приведет их к гибели, помяни мое слово. Они даже не догадываются, что их ждет!

Я рухнул на колени. Теперь уже было не разобрать, где мои ногти, а где палуба Нагльфара. Иззубренные кератиновые побеги серо-черными веревками опутали мои лодыжки и запястья и привязали меня к палубе. И уже всю подбирались к бедрам. Вот-вот они утянут меня вниз, и я стану частью этого корабля.

– Остерегись, Магнус! – предупредил Локи. – Как бы все ни сложилось, вскоре нам предстоит новая беседа!

Тяжелая рука тряхнула меня за плечо, и я очнулся.

– Магнус! – проревел Хафборн Гундерсон. – Отцепись ты от этой веревки! Бери весло!

Я снова был на палубе одуванчикового корабля. Мы пробирались через холодный плотный туман. Течение влекло нас к выходу из туннеля, где река терялась в рокочущей мгле.

Я сглотнул цемент, забивший мне горло.

– Это что, новый водопад?

– Да, и он утащит нас прямиком в Гиннунгагап и там угробит. Может, уже начнешь грести?

Ти Джей и Хафборн сидели на скамье впереди нас. Все вчетвером мы гребли как ненормальные, пытаюсь развернуть корабль вправо и увести его от пропасти. Плечи у меня так и горели. Мышцы спины возмущенно протестовали. Наконец рокот водопада остался где-то далеко за кормой. Туман рассеялся, и обнаружилось, что мы в Бостонской гавани, неподалеку от «Железнобокой старушки». Слева высились кирпичные стены и колокольни Чарльзтауна.

Ти Джей с ухмылкой обернулся к нам:

– Видели? Не так-то плохо!

– Это точно, – хмыкнула Мэллори. – Почти свалились с края мира и чуть не рассеялись в дым – но это не в счет.

Хафборн потянулся и сказал:

– Ох, я словно слона втащил на Банкер-хилл¹⁶, но мы молодцы, все до... – И тут он посмотрел на меня. – Магнус, ты чего?

Я не мог отвести взгляда от собственных трясущихся рук. Мне все казалось, что ногти растут и растут и вырастают в

---

¹⁶ Банкер-хилл – холмы в предместьях Бостона.

палубу корабля мертвецов.

– У меня случилось маленькое виденьице, – пробормотал я. – Ничего, сейчас очухаюсь.

Друзья встревоженно переглянулись. Они все прекрасно знали, что означают слова «маленькое виденьице».

Мэллори Кин придвинулась поближе ко мне.

– Гундерсон, да возьми же руль наконец!

Хафборн нахмурился:

– Чего раскомандовалась, ты...

Мэллори выразительно на него посмотрела. Хафборн пробурчал что-то себе под нос и побрел к рулю.

Мэллори сверлила меня взглядом зеленых глаз в рыже-бурю крапинку – как яйца птички кардинала.

– Ты видел Локи?

Обычно я не сижу так близко к Мэллори. Но есть исключительные случаи. Например, когда ей надо вытащить топор из моей груди на поле боя. Мэллори блюдет свое личное пространство. Что-то в ее взгляде внушало опасения. В ее глазах мелькал какой-то недобрый огонек. Или точнее бушевал пожар, стремительно метавшийся с крыши на крышу. Никогда не знаешь, что этот пожар собирается спалить, поэтому на всякий случай лучше держаться в сторонке.

– Ага. – И я рассказал ей все, что видел.

Мэллори брезгливо скривила губы:

– Вот же поганец... Нам он всем недавно явился в кошмарах. Погоди, я до него доберусь...

– Ну, Мэллори, – укоризненно произнес Ти Джей. – Я, конечно, понимаю, что тебе поквитаться с Локи нейдет больше нашего, но...

Он умолк, потому что Кин бросила на него убийственный взгляд.

О чем это говорил Ти Джей? Я слышал, что Мэллори погибла, пытаясь обезвредить взрывное устройство в машине. Это случилось в Ирландии. Но, если подумать, о ее прошлом я почти ничего не знал. Выходит, Локи погубил и ее?

Мэллори стиснула мое запястье, и ее мозолистая ладонь неприятно напомнила о кератиновых побегах на Нагльфаре.

– Магнус, Локи тебя подстрекает, – сказала Мэллори. – Если снова увидишь такой сон, не вздумай говорить с ним! Не попадайся ему на крючок!

– Зачем ему меня ловить на крючок? – удивился я.

– Валькирию вызывали? – прогремел у нас за спиной Хафборн.

Он тыкал пальцем в сторону чарльзтаунской набережной. Примерно в четверти мили от нас на причале стояли две фигурки – одна в зеленом хиджабе, вторая с зелеными волосами.

Мэллори хмуро покосилась на Гундерсона:

– Зачем так орать-то, дубина ты такая?

– Это мой обычный голос, женщина!

– Я в курсе, и твой ор меня бесит!

– Не нравится, так поищи...

– Магнус, – сказала мне Мэллори, – давай поговорим чуть позже. – Широким шагом она прошла к люку, рядом с которым лежал Хафборнов топор, оброненный посреди всей этой суматохи, подхватила оружие и потрясла им перед носом Хафборна. – Получишь назад, когда научишься себя вести!

С этими словами Мэллори скользнула в люк и скрылась на нижней палубе.

– О нет, только не это! – простонал Хафборн, однако покинул свой пост и двинулся за ней следом.

Корабль начало уводить вправо. Подскочивший Ти Джей едва успел перехватить руль.

– Нашли тоже время разбежаться, – вздохнул он.

– Погоди... Кто разбегается? – опешил я.

– А ты не слышал? – Ти Джей удивленно поднял брови.

Хафборн и Мэллори ругались так часто, что поди разбери, где они по-настоящему злятся, а где просто пылко выражают свою любовь. Поразмыслив, я пришел к выводу, что ведь и правда: в последние дни они совсем уж люто рычали друг на друга.

– Так почему они разбегаются?

Ти Джей пожал плечами:

– Жизнь после смерти, это, знаешь ли, не короткая дистанция, а марафон. При вечной жизни постоянные отношения – мудреная штука. Многие парочки эйнхериев за несколько веков успевают раз по шестьдесят, по семьдесят

разойтись и сойтись.

Я попытался уложить эти сведения в голове. У меня-то никогда не было отношений – вообще никаких, не говоря уж о постоянных. Поэтому в голове сказанное Ти Джеем укладываться не желало.

– Они там, значит, ищут почву для консенсуса, а кругом полным-полно всяческого оружия, – заметил я. – И мы, между прочим, с ними на одном корабле, и деваться нам некуда.

– Волноваться не о чем, – заверил меня Ти Джей. – Они же профессионалы.

БАЦ! Судя по звуку, где-то внизу топор вонзился в дерево, и палуба у меня под ногами дрогнула.

– Конечно, – кивнул я. – А что там Мэллори начала говорить насчет Локи?

Улыбка сползла с лица Ти Джея.

– Да он всем нам насолил, чертов злыдень.

Мне сразу стало любопытно, чем он насолил Ти Джею. Я уже несколько месяцев жил бок о бок со своими друзьями с девятнадцатого этажа, но только сейчас начал догадываться, что почти ничего о них не знаю. Томас Джефферсон-младший – рядовой Пятьдесят четвертого Массачусетского добровольческого полка, сын бога войны Тюра и освобожденной рабыни. Ти Джея, по-моему, невозможно выбить из колеи. Он не теряет присутствия духа, даже когда погибает на поле боя. Даже когда ведет в номер голого Хафборна, ходящего во сне. Ти Джей – самый благодушный мертвец на свете, но

и на его долю наверняка выпало достаточно ужасов.

Кем, интересно, одевается Локи в кошмарах Ти Джея?

– Мэллори сказала, Локи меня подстрекает, – вспомнил я. – Что я будто бы не должен попасться на крючок.

Ти Джей заломил пальцы, словно терзаемый фантомной болью своего отца Тюра, которому волк Фенрир отгрыз руку.

– Мэллори права. Есть вызовы, которые принимать не стоит. Особенно если это вызовы Локи.

Я нахмурился. Вот и Локи толковал о вызове. Он не сказал «сразиться» или «победить». Он сказал: «Если уж тебе так приспичило бросить мне вызов».

– Ти Джей, а твой отец ведь как раз бог вызовов, поединков и всякого такого?

– Именно. – Голос у Ти Джея был пресный и сухой, как столь любимые им галеты. Он показал на причал. – Смотри-ка, а Сэм и Алекс кого-то еще прихватили!

Я только сейчас заметил третью фигуру. В нескольких шагах от детей Локи стоял, прислонившись к капоту машины, в своих обычных джинсах и рабочей сине-зеленой рубашке изготовитель лучшего в мире фалафеля. Амир Фадлан, жених Самиры, пришел нас проводить.

Глава VII

Мы все идем ко дну

– Ух ты! – воскликнула Самира, когда мы приблизились к причалу. – А ведь и правда, Алекс. Одуреть, до чего желтый!

– И ты туда же, – вздохнул я.

– Предлагаю назвать его «Большой банан», – ухмыльнулся Алекс. – Все «за»?

– Заткнись, – свирепо прошипел я.

– А что, мне нравится, – сказала Мэллори, кидая Алексу швартов.

Кин и Гундерсон выбрались наверх, явно заключив перемирие. Хотя оба щеголяли свеженькими фингалами.

– Вот и решено! – проревел Хафборн. – Славный корабль «Микилгулр»!

Ти Джей недоуменно поскреб в затылке:

– Это «большой банан» по-древнескандинавски?

– Ну, если честно, не совсем, – признался Хафборн. – Викинги так далеко на юг не заплывали, поэтому они не в курсе насчет бананов. «Микилгулр» означает «большой желток». Это же близко, правда?

Я возвел глаза к небесам в безмолвной молитве.

«Фрей, бог лета, дорогой папочка! – мысленно проговаривал я. – Спасибо тебе большое за корабль. Но, если что, зе-

ленный – тоже летний цвет хоть куда. Ничуть не хуже желтого, тебе не кажется? Так что прекрати, пожалуйста, выставлать меня на посмешище перед друзьями. Аминь».

Я выбрался на причал и стал помогать пришвартовывать Большое Желтое Недоразумение. Ноги у меня все еще подрагивали после речной гонки и виденьица с Локи. Если я с таким восторгом ступаю на сушу после нескольких минут плавания, то нас ждет просто ошеломляющее путешествие!

Амир пожал мне руку:

– Как жизнь, Дж... то есть Магнус?

Прошло уже несколько месяцев, а он по привычке иногда норовит назвать меня Джимми. Это я сам виноват. Пока я жил на улице, Амир и его папа были для меня надежным источником горячего питания. Они всегда подкармливали меня остатками еды из своей фалафельной в ресторанном дворике. А в обмен на их доброту я скрывал от них свое настоящее имя. До сих пор стыдно.

– Нормально, спасибо. – Тут я понял, что снова его обманываю. – Ну, то есть, если не брать в расчет очередной опасный поход.

Самира пихнула меня в бок обухом топора:

– Эй, кончай его нервировать. Я в последнее время только и делаю, что успокаиваю Амира.

Алекс хихикнул:

– А я в последнее время только и делаю, что приглядываю за этой парочкой, пока Сэм успокаивает Амира. Они такие

лапочки!

Самира вспыхнула. На ней была ее обычная походная экипировка: кожаные ботинки, прочные штаны карго с подвешенными к ним двумя топорами, водолазка с длинным рукавом, темно-зеленая куртка и, конечно же, завершал образ ее неизменный волшебный хиджаб. Переливчатая зеленая ткань трепетала на ветру и вбирала в себя все окружающие цвета, готовая по первому сигналу хозяйки переключиться в режим тотальной маскировки.

Сэм, кажется, тоже не мешало бы переключиться. Или скорее включиться. Лицо у нее было какое-то погасшее, сухие губы шелушились, глаза ввалились и больше не блестели. Как будто она страдала недостатком витаминов.

– Все хорошо? – спросил я у Сэм.

– Ну да. Все отлично!

Но в ее дыхании чувствовался привкус кетонов – выдохшейся кислятины; так пахнут лимоны, если полежат на солнце. А еще так пахнет от тех, кто долго не ел. Я привык к этому запаху, пока был бездомным.

– Не-а, – возразил я. – И ничего не отлично.

Она раскрыла было рот, чтобы заспорить, но тут вмешался Амир.

– Рамадан идет уже две недели, – пояснил он. – Мы оба постимся.

– Ну Амир! – возмутилась Сэм.

– А что такого? Магнус наш друг. Ему можно сказать.

Алекс в бессильной злости прикусил губу. Ясное дело, Алексу все известно. Вот о чем он чуть не проболтался тогда у дяди Рэндольфа. И вот почему Сэм так тяжело даются их занятия. Я не большой знаток Рамадана, зато по опыту знаю, что такое ходить голодным. Когда долго не ешь, сосредоточиться на чем-то и правда очень непросто.

– Хм, а какие там у вас правила? – уточнил я.

– Плаванью это никак не мешает, – заверила Сэм. – Я не хотела, чтобы вы тревожились, поэтому не рассказывала. Просто нельзя есть и пить, пока солнце не зайдет.

– Мыться тоже нельзя, – прибавил Амир. – И браниться. И курить. И драться.

– Что нам подходит как нельзя лучше, – съязвил Алекс. – Ведь драться в наших походах нам ни разу не случалось.

Сэм закатила глаза:

– Нет, защищаться я могу, если на меня нападают. И потом, это всего лишь месяц.

– Месяц?! – поперхнулся я.

– Я с десяти лет соблюдаю Рамадан, – сказала Сэм. – Правда, в этом нет ничего страшного.

Мне-то как раз казалось, что это очень даже страшно. Потому что летом дни длинные, и нам угрожает тьма-тьмушая смертельных опасностей, и ни одна из них не станет дожидаться захода солнца.

– А ты не можешь сейчас прерваться, а потом допоститься после плавания?

– Может, – ответил вместо нее Амир. – Это разрешено путешествующим или тем, для кого пост может быть опасен. В вашем случае это и то и другое.

– Но она не станет, – монотонным голосом прогудел Алекс. – Потому что она упертая набожная зануда.

Сэм ткнула Алекса в бок:

– Полегче, братец.

– Ой-ой-ой, – пропищал Алекс. – Вроде кому-то не положено драться!

– Я защищалась.

– Эй, на берегу! – крикнул им Хафборн. – Груз на борту, и мы готовы отчаливать. Хорошо трепаться! Давайте на борт!

Я посмотрел на Амира. Он, как всегда, был весь такой опрятный. На идеально отглаженной одежде ни пятнышка, прическа волосок к волоску. Ни за что не подумаешь, что этот парень изнывает от голода и жажды. Но кожа как будто чуть сильнее обтягивает скулы. Добрые карие глаза то и дело помаргивают, словно в ожидании капли, падающей на лоб. Амиру приходилось несладко. Только Рамадан тут был вовсе ни при чем.

– Будь осторожна, – сказал он своей невесте. – Вы все будьте осторожны. Магнус, я бы попросил тебя присмотреть за Самирой, но, если я это сделаю, она зарубит меня своим топором.

– Я никогда не подниму на тебя топор, – пообещала Самира. – И лучше уж я сама присмотрю за Магнусом.

– За Самирой присмотрю я, – вызвался Алекс. – Ведь для того и существует семья, не так ли?

Амир заморгал еще чаще. Думаю, он до сих пор не решил окончательно, как относиться к зеленоволосому Алексу Фьерро, единокровному то ли брату, то ли сестре Сэм с переменчивым гендером. И к тому, что судьба, похоже, навязала Алекса им с Самирой в дуэньи.

– Ладно, – кивнул Амир. – Спасибо.

Меня из-за терзаний Амира мучила совесть. Несколько месяцев назад, когда Самира открыла суженому правду о своей двойной жизни и о том, что она валькирия Одина, я исцелил разум Амира и спас его от безумия. И в результате его глаза раскрылись. Ему бы жить и жить дальше в блаженном неведении, но теперь ему приходилось наблюдать земных великанов, шатающихся по Коммонуэлс-авеню, морских змеев, резвящихся в реке Чарльз, и проносящихся в воздухе валькирий с душами павших героев, которым предстоит заселиться в отель «Вальгалла». Он даже мог видеть наш славный драккар, напоминающий тяжеловооруженный банан.

– Мы будем осторожны, – сказал я ему. – Ну и потом, кто рискнет напасть на наш корабль? При его-то желтизне!

Амир выдавил слабую улыбку:

– Тут не поспоришь. – Он потянулся к машине и вытащил оттуда увесистую сумку с термоизоляцией – в таких обычно доставляют еду на дом из «Фалафельной Фадлана». – Это

тебе, Магнус. Приятного аппетита.

Нас тут же окутало запахом свежего фалафеля. Ну да, я ел фалафель лишь несколько часов назад, но желудок мой опять требовательно забурчал. Потому что фалафеля много не бывает.

– Дружище, ты лучший! Поверить не могу... Стоп. Ты в разгар поста приносишь мне еду? Тут что-то не так.

– Пост-то у меня, а тебе с какой стати голодать? – Амир хлопнул меня по плечу. – Я буду за тебя молиться. И за всех вас.

Я знал, что он говорит искренне. Я-то сам атеист. Могу разве что смеха ради помолиться собственному папочке, чтобы перекрасил корабль. Сведя знакомство со всем этим скандинавским пантеоном и Девятью Мирами, я только сильнее уверился в том, что никакого божественного замысла не существует. Ну какой бог позволил бы Зевсу и Одину рулить одной и той же вселенной, когда они оба мнят себя творцами всего сущего, поражают смертных молниями и обожают мотивационные семинары?

Но Амир – человек верующий. Они с Самирой верят в нечто большее, в космическую силу, которой по-настоящему есть дело до смертных. Наверное, Амир хотел меня подбодрить, внеся мое имя в петицию Богу. Хотя я не уверен, что кто-то эту петицию прочтет.

– Спасибо, друг! – И я на прощанье пожал ему руку.

Амир повернулся к Сэм. Они стояли в нескольких ша-

гах друг от друга. Ни один из них не сделал попытки приблизиться, коснуться другого. За все годы, что они знакомы, Амир и Самира ни разу не притронулись друг к другу. По-моему, для Амира это было испытание посерьезнее Рамадана.

Я сам не большой любитель прикосновений. Но время от времени меня обнимает кто-то, кто мне дорог, и мне этих объятий хватает надолго. А уж Сэм с Амиром друг другу очень дороги – и это мягко сказано. При их-то чувствах даже за руки не подержаться ни разу... Ну как это так?!

– Я люблю тебя, – сказал Амир.

Самира шарахнулась от него, словно в лицо ей засветило орлиным яйцом, и чуть не свалилась. Алекс ее поддержал.

– Я... да, – пискнула Самира. – И я. Я тоже.

Амир кивнул, а потом повернулся и сел в машину. Спустя мгновение фары его автомобиля исчезли за склоном Флагшип Уэй.

Самира хлопнула себя по лбу.

– «И я, я тоже»! – передразнила она себя. – Ну что за дура!

Алекс погладил ее по руке:

– А, по-моему, ты была очень красноречива. Пошли, сестренка! Наш неоново-цыплячий кораблик ждет!

Мы отдали швартовы, распрямили мачту, подняли парус и исполнили еще несколько мореходных ритуалов. И вскоре мы устремились прочь из Бостона, к устью канала между аэропортом Логан и портовым районом.

Когда подземный поток не футболил нас на полном ходу, а межмировой водопад не норовил утянуть вверх тормашками в бездну, плавание на «Большом банане» мне почти нравилось. Сильный ветер наполнял парус. Силуэт города у нас за спиной утопал в золотистом багрянце заката. Море простиралось впереди голубым шелковым покрывалом. От меня требовалось только стоять на носу и любоваться пейзажем.

После такого долгого и нелегкого дня, казалось бы, можно с чистой совестью вздохнуть спокойно. Но у меня из головы никак не шел дядя Рэндольф. Однажды он вместе с семьей отправился из этой же самой гавани на поиски Меча Лета. И его жена с дочками, между прочим, не вернулись назад.

«Сейчас-то все иначе, – твердил я сам себе. – Мы команда тренированных эйнхериев, плюс с нами самая упертая и самая набожная валькирия Вальгаллы».

Но мне в голову, как назло, лез голос Локи: «Бедняжки Сэм и Алекс. Это путешествие приведет их к гибели, помни мое слово. Они даже не догадываются, что их ждет!»

– Заткнись! – пробурчал я себе под нос.

– Что-что?

Я не сразу сообразил, что рядом стоит Самаира.

– Я просто... да ничего особенного. Хотя... В общем, я тут поболтал немного с твоим папочкой. – И я рассказал ей о кошмаре с ногтями.

Самаира скривилась:

– Папочка в своем репертуаре. У Алекса тоже видения и

кошмары чуть не каждый день.

Я окинул взглядом палубу, но Алекса не увидел. Наверное, он спустился вниз.

– Правда? А мне хоть бы слово сказал!

Самира пожала плечами: дескать, что ты, Алекса не знаешь?

– А с тобой что? – спросил я. – Тоже видения?

Сэм склонила голову:

– Да так... Ничего особенного. Рамадан дисциплинирует разум и укрепляет волю. Может, поэтому Локи не лезет мне в голову. Надеюсь...

Сэм умолкла, но я понял, что она имела в виду. Она надеялась, что пост поможет ей защитить разум от Локи. А как по-моему, шансов маловато. Хотя, если бы мой отец так командовал моей волей, я бы на все пошел, лишь бы вставить ему палки в колеса. Даже от фалафеля отказался бы. Стоило Сэм только произнести имя Локи, и она вся закипала внутри, я это чувствовал. Самира ненавидела быть в его власти.

Пассажирский самолет взлетел из аэропорта и проревел у нас над головой. Ти Джей из «вороньего гнезда» на мачте замахал руками и радостно завопил:

– Эге-е-е-ей!

Ветер лохматил его курчавые черные волосы.

Ти Джей жил в шестидесятые годы девятнадцатого века, поэтому самолеты приводят его в бурный восторг. Думаю, они кажутся ему более волшебными, чем все эти эльфы, гно-

мы и драконы.

Внизу что-то лязгало и бухало: надо думать, Алекс и Мэллори решили разложить по местам наши припасы. Хафборн Гундерсон, склонившись над рулем, насвистывал «Возьми меня на Луну» Фрэнка Синатры – идиотский навязчивый мотивчик из лифта¹⁷.

– Сэм, в этот раз ты сдюжишь! – выговорил я наконец. – Ты задашь Локи по первое число!

Самира обернулась и поглядела на закат. Может, она считает минуты до захода солнца, когда сможет наконец попить, поесть и, главное, от души поругаться.

– Ты понимаешь, в чем штука, – задумчиво произнесла она, – пока я не увижу Локи, наверняка не скажешь, сдюжу я или нет. Алекс пытается научить меня всем этим примочкам насчет отпустить себя. Чтобы мне было легко и удобно, когда я превращаюсь. – Она сглотнула комок в горле. – Только мне не хочется превращаться. Я ведь не Алекс.

Тут мне возразить было нечего.

Когда Сэм впервые рассказала мне о своих оборотнических способностях, она сразу объяснила, что терпеть их не может. Пользоваться этими способностями – это вроде как уступка Локи. Сэм будто бы становится на него похожей.

Алекс же считал, что могущество Локи – это и его, Алек-

---

¹⁷ Автор этой знаменитой композиции, вообще-то, Говард Барт. Он написал эту песню в 1954 году, а исполняла ее впоследствии целая куча народу. В том числе и Синатра.

са, могущество. Для Сэм йотунское наследие – смертоносный яд, от которого нужно непременно очиститься. Она привыкла полагаться на дисциплину и точный расчет. Молись больше. Откажись от еды и питья. Чего бы это ни стоило. Но менять облик, обладать изменчивостью, как Локи и Алекс, – это уж совсем не ее, хотя это и присутствует у нее в крови.

– Ты найдешь свой способ, – заверил я ее. – Тот, который подходит тебе.

Она пристально взгляделась мне в лицо, словно проверяя, искренне ли я говорю.

– Спасибо, это ценные слова. Но пока у нас есть и другие важные дела. Алекс рассказал мне, что случилось в доме твоего дяди.

Меня пробрал озноб, хотя стоял теплый вечер. У меня всегда так, стоит только подумать про волков.

– Ничего не приходит в голову насчет этой его записи? При чем тут мед? И Бёльверк?

Сэм помотала головой:

– Но мы спросим Хэртстоуна и Блитцена, когда подберем их. Они много путешествовали и... как это называется? Предприняли широкий спектр разведдеятельности.

Это звучало впечатляюще! Может, они вышли на связь с осведомителями из межмировой мафии Мимира, чтобы те подсказали самый безопасный морской маршрут через Девять Миров? Но мне почему-то казалось, что Блитцен самозабвенно предается шопингу в поисках новых образов,

а Хэртстоун терпеливо дожидается, пока он закончит, и от нечего делать колдует над рунами.

До чего же я по ним соскучился.

– А где мы с ними встречаемся? – поинтересовался я.

Сэм махнула рукой вперед:

– На Оленьем острове, у маяка. Они обещали прибыть туда к заходу солнца. То есть сейчас.

Вдоль береговой линии Бостона рассыпались десятки островов. В их названиях черт ногу сломит, но маяк, о котором говорила Сэм, просматривался довольно хорошо – приземистое строение со шпилем наверху торчало из воды, словно рубка бетонной субмарины.

Мы подходили к маяку. Я ожидал увидеть издали сверкающие кольчужного жилета гнома-модника или красно-белый шарф, которым размахивает одетый в черное эльф.

– Ну и где они? – пробормотал я и поднял глаза на Ти Джея. – Эй, ты оттуда их не видишь?

Наш впередсмотрящий словно окаменел, широко разинув рот. В его выпученных глазах застыло выражение, которое мне никогда не пришло бы в голову связать с Томасом Джефферсоном-младшим. Выражение незамутненного ужаса.

Сэм рядом со мной придушенно сглотнула и попятилась с носа «Большого банана».

Прямо перед нами море вспенилось и закрутилось воронкой, будто кто-то вытащил затычку для ванны из Массачусетс-Бэй. Из водоворота восставали исполинские водяные

девы в платьях из пены и льда — всего девять, и каждая размером с наш корабль. Их зелено-голубые лица искажала неподдельная ярость.

«На основах мореходного дела я этого не проходил», — мелькнуло у меня в голове.

Исполинские девицы обрушились на нас безжалостно, как цунами. И наш славный желтый корабль поглотила пучина.

Глава VIII

Хоромы хмурого хипстера

Нестись на всех парусах ко дну было само по себе достаточно неприятно.

А тут еще и это пение.

Пока наш корабль проваливался, падал, летел сквозь колоссальную воронку соленой воды, девять гигантских дев метались вокруг нас, то появляясь из водяного вихря, то скрываясь в нем, – казалось, будто они снова и снова тонут. Их лица были перекошены от гнева и злобного ликования. Их длинные волосы полоскались на ветру, окатывая нас ледяным дождем. Они вопили и завывали, но не просто так,

кто в лес, кто по дрова – в их визгах прослеживалась некая система. Казалось, кто-то проигрывает запись хорового пения китов с мощной обратной связью. Мне даже удалось уловить обрывки слов: «Мед кипящий... дочери волн... вам погибель!» Вспомнилось, как Хафборн Гундерсон впервые дал мне послушать норвежский тяжелый рок. И через несколько тактов до меня дошло: «Погодите! Так это типа музыка!»

Мы с Сэм накрепко вцепились в канаты. Ти Джей растопырился в «вороньем гнезде» и вопил так, словно катался на самой жуткой карусельной лошадке в мире. Хафборн упорно держал руль, хотя какой в этом толк, когда корабль прямым ходом летит ко дну, – загадка. В трюме раздавалось мерное «Бац-хрясь! Бац-хрясь!» – это Мэллори и Алекс болтались там словно игральные кости в стаканчике.

Корабль мчался по спирали. Ти Джей, не удержавшись, с отчаянным криком повалился в водоворот. Самира метнулась к нему – счастье, что валькирии так здорово летают. Ухватив Ти Джея за пояс, она полетела назад к кораблю, уворачиваясь от морских великанш и наших же сумок и ящиков, которые корабль сбрасывал, словно балласт.

Едва она опустилась на палубу, как корабль – ХЛЮПС! – шмякнулся на воду и погрузился в нее.

Самое неожиданное было, что вода оказалась горячая. Я-то приготовился ощутить невыносимый холод, а меня будто окунули в горячую ванну. Спина выгнулась дугой, мышцы свело судорогой. Каким-то образом мне удалось не хлеб-

нуть воды, но когда я открыл глаза и посмотрел наверх, то обнаружил, что вода имеет странный золотистый цвет.

«Это не к добру», – подумал я.

Палуба подо мной стала подниматься, и вскоре «Большой банан» всплыл на поверхность... чего-то. Водоворота как не бывало. Девяти великанш тоже нигде не наблюдалось. Наш корабль покачивался, поскрипывая, в тихих золотистых водах, которые бурлили за бортом, издавая аромат экзотических пряностей, цветов и выпечки. Со всех сторон нас окружали отвесные коричневые утесы – водоем, куда мы угодили, представлял собой идеально ровный круг диаметром около мили. Сначала я подумал, что мы упали посреди вулканического озера.

По крайней мере, корабль вроде бы уцелел. Промокшие желтые паруса полоскались на мачтах, канаты блестели и исходили паром.

Самира и Ти Джей поднялись на ноги и, оскальзываясь, побрели на корму, где лежал Хафборн Гундерсон. Он тяжело навалился на руль, из жуткого вида раны у него на лбу сочилась кровь.

Первой моей мыслью было: «Вот вечно Хафборну как помирать, так от дыры в черепе». И только потом я спохватился, что мы уже не в Вальгалле. Куда бы нас ни занесло, если он здесь умрет, то навсегда.

– Живой! – крикнула Самира. – Только без сознания.

В ушах у меня все еще звенело от странноватой музыки.

Мысли еле ворочались. Я все никак не мог понять, почему Ти Джей и Самира выжидающе смотрят на меня.

А потом до меня дошло: ну точно! Я ж умею исцелять!

И я побежал на помощь. Пока я призывал силу Фрея, чтобы залечить рану на голове Гундерсона, на палубу выбрались Мэллори и Алекс, окровавленные и помятые.

– Что вы делаете тут, наверху, идиоты?! – настойчиво поинтересовалась Мэллори.

И словно в ответ, половину неба над нашими головами закрыла грозовая туча и глас с небес прогремел:

– ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ В МОЕМ КОТЛЕ?!

Туча опустилась ниже, и я увидел, что это вовсе не туча, а лицо. И его обладатель ни капельки не рад нас видеть.

По прошлому опыту общения с великанами я уже знал: чтобы не сойти с ума, пытаюсь уместить в голове их гигантские размеры, лучше всего разглядывать их по частям. Вот нос размером с нефтяной танкер. Вот борода, густая и огромная, словно секвойный лес. Вот очки в золотой оправе, смахивающие на круги на полях. А вот на голове великана красуется самая большая во Вселенной панاما – это ее поля я сперва принял за край грозовой тучи.

И когда его голос прокатился над водой, отразился от утесов и заставил все вокруг гулко задрожать, я понял, что мы вовсе не в кратере вулкана. Скалы вокруг на самом деле были стенками огромной кастрюли. Озеро, над которым поднимался пар, – каким-то варевом в этой посудине. А мы –

секретной приправой.

Мои друзья застыли с отвисшими челюстями, пытаясь осмыслить открывшееся им зрелище; один Хафборн ничего не пытался, потому что благоразумно оставался в отключке.

Я опомнился первым. Терпеть не могу, когда так получается.

– Здрасьте, – сказал я великану.

Такой уж я великий дипломат – всегда знаю, кого каким образом следует приветствовать.

Мрачная мегаморда над нами нахмурила лоб – мне сразу вспомнилось движение тектонических плит, мы проходили эту тему в шестом классе. Великан зыркнул налево, направо и гаркнул:

– Дочки! Быстро сюда!

Над краем кастрюли появились новые гигантские лица – то есть уже знакомые нам лица девяти дев из водоворота, только теперь они казались еще больше, потому что волосы у них стояли дыбом, в улыбочках сквозило безумие, а глаза блестели то ли от возбуждения, то ли от голода. (Я надеялся, что все-таки не от голода.)

– Мы поймали их, папочка! – пискнула одна из них. Ну, то есть это можно было бы назвать писком, если бы великанша не была размером с Южный Бостон.

– Вижу, но с чего вам это взбрело в головы? – спросил великан-папаша.

– Они желтые, папочка! – вступила в разговор другая ве-

ликанша. – Мы их издалека приметили. Кораблик такого цвета уж точно неплохо было бы потопить!

Я принялся мысленно составлять для собственного папы список слов на «Ж»: желтый, жизнь, жуть, жар, жир... и еще кое-что.

– А еще один из них упомянул мед, – сообщила третья. – И мы поняли, что ты захочешь поговорить с ними, папочка! Это же твое любимое слово!

– Стоп-стоп-стоп! – Алекс замахал руками, как спортивный судья, останавливающий игру. – Никто из нас ни про какой мед не говорил! Тут какая-то ошибка... – Он осекся, потом с сомнением посмотрел на меня: – Правда же?

– Э-э... – Я кивнул на Самиру, которая попятилась, спеша оказаться подальше от Алекса, за пределами досягаемости его гарроты. – Я просто рассказывал...

– ВСЕ ЭТО НЕ ВАЖНО! – прогремел Хмурый. – Главное, что вы здесь, но я не хочу, чтобы вы болтались в моем котле. Я как раз варю мед. А драккар в котле может совершенно отбить у напитка его сладкий аромат!

Я покосился на бурлящую жижу за бортом и порадовался, что она таки не попала мне в легкие.

– Сладкий? – переспросил я.

– Не смей меня так называть! – прорычал Алекс.

Шутил, наверное. У меня что-то не возникло желания уточнять.

Над нами нависла колоссальная ручища и взяла корабль

за матчту.

— Они такие малюсенькие, что толком и не разглядишь, — проворчал Хмурый. — Подровняем-ка масштаб.

Ненавижу, когда великаны берут и меняют соотношение размеров. Все вокруг вдруг сделалось больше, словно кто-то подкрутил зум. Желудок у меня сжался, глаза самым болезненным образом полезли из орбит.

БУМ! ХРЯСЬ! ШМЯК!

Я кое-как поднялся на ноги и обнаружил, что мы с друзьями стоим посреди просторного викингского зала.

В углу на боку лежал наш корабль, обтекая горячей медовухой. Стены помещения были украшены корабельными килиями, которые вздымались на десятки метров, как колонны, и загибались внутрь, формируя сводчатый потолок. Между колоннами-килиями вместо штукатурки или досок колыхалась зеленая вода. Какие силы удерживали ее в виде стен — понятия не имею. Тут и там в этих водяных стенах виднелись двери, ведущие, должно быть, в иные подводные покои. Пол был выстлан зыбким ковром водорослей — я прямо порадовался, что стою на нем не босиком.

Обстановка не сильно отличалась от обычной викингской трапезной. Посреди зала стоял прямоугольный стол, вдоль него — стулья, вырезанные из алых кораллов, а в дальнем конце высился трон, украшенный жемчугом и акульими челюстями. В жаровнях горело зеленоватое пламя, наполняя воздух ароматом водорослей гриль. Над огнем в главном камин-

не висел котел, где мы только что плавали, хотя теперь он казался намного меньше – в таком разве что пару волов с телегой можно сварить. Его начищенные бока украшала гравировка в виде волн и скалящихся лиц.

Наш гостеприимный хозяин-захватчик, хмурый великан-папашка, стоял перед нами, скрестив руки на груди и насупив брови. Он был всего лишь вдвое выше человека. Великан щеголял в подвернутых штанах цвета хаки, остроносых черных сапогах, жилетке, застегнутой на все пуговицы, и белой сорочке. Рукава сорочки тоже были закатаны, поэтому мы имели возможность полюбоваться на татуированные рунические надписи, спиралями обвивавшие его предплечья. В целом, с учетом уже упомянутых панамы и очков в золотой оправе, он смахивал на завсегдатая супермаркета экопродуктов, который хотел всего-то прихватить японского чаю с макробиотиками и направился на кассу для тех, у кого мало товаров, – а там, глядь, очередища, и у каждого в тележке куча всякого-разного.

За его спиной широким полукругом выстроились девять теток-волн, которые – вот чудеса-то! – волну не гнали. Каждая была ужасна по-своему, но все они хихикали, переглядывались и толкались локтями, как фанатки у черного хода в предвкушении, когда появится их кумир и они смогут разорвать его в клочья в порыве любви.

И тут я вспомнил, как богиня Ран рассказывала нам о своем муже: хипстер, мол, тот еще, увлекается варкой крафто-

вого меда. Тогда я так удивился, что даже не принял ее слова всерьез. Потом, вспоминая задним числом, подумал, что это смешно. А теперь вот понял, что все это правда. Потому что этот бог-хипстер стоял передо мной.

– Вы – Эгир, – озвучил я свою догадку. – Бог моря.

Эгир только крикнул, словно хотел сказать: «И что? Ты все равно испортил мне медовуху».

– А эти... – я нервно сглотнул, – эти прекрасные леди, должно быть, ваши дочери?

– Разумеется, – буркнул он. – Девять дев волн! Знакомьтесь: Химинглэва, Хефринг, Хрённ...

– Я Хефринг, пап, – сказала самая высокая из великанш. – А она Хрённ.

– Да, конечно, – отмахнулся Эгир. – А это Унн. И Бюлгья.

– Букля? – переспросила Мэллори, из последних сил поддерживая Хафборна, так толком и не пришедшего в себя.

– Приятно познакомиться! – воскликнула Самира, пока Эгир не успел представить нам каких-нибудь Комету, Купидона и Рудольфа¹⁸. – Мы взываем к законам гостеприимства!

Это она умно придумала. В приличных йотунских домах, если гость воззвал к законам гостеприимства, его уже нельзя убить. По крайней мере, прямо с порога нельзя.

Эгир фыркнул:

– Я, по-вашему, кто, дикарь? Конечно, мы чтим законы гостеприимства! И хотя вы испортили мне мед и путешеству-

---

¹⁸ То есть оленей Санта-Клауса.

ете на невыносимо желтом корабле, вы гости в моем доме. По меньшей мере, вы можете разделить с нами трапезу, пока я решаю, что с вами делать. Разумеется, если среди вас нет Магнуса Чейза – иначе я убью вас всех на месте. Надеюсь, его тут нет?

Все мои друзья промолчали, хотя в их взглядах, направленных на меня, ясно читалось: «Черт тебя побери, Магнус!»

– Э-э, мне просто любопытно... – сказал я. – Почему вы так хотите убить этого Магнуса Чейза?

– Потому что обещал жене! – рыкнул Эгир. – Она за что-то ненавидит этого типа!

Девять его дочерей закивали, бормоча:

– Ага, ненавидит. Ух, как она его ненавидит!.. Прямо до жути!

– А-а... – Я порадовался, что стою весь мокрый от медовухи. Может, под ней не так заметно, как я вспотел. – А кстати, где же ваша очаровательная жена?

– Ее нет дома, – ответил Эгир. – Отправилась ловить мусор своей сетью.

– Хвала богам! – вырвалось у меня. – В смысле, хвала богам, что мы застали хотя бы вас с дочерьми и можем провести этот вечер в вашей чудесной компании.

Эгир склонил голову к плечу:

– Да. Девочки, накройте для гостей дополнительные места за столом. А я пойду скажу шеф-повару, чтобы приготовил тех сочных пленников.

Он махнул рукой в сторону одной из дверей, и та сама собой распахнулась перед ним. За дверью оказалась огромная кухня. Увидев, что висит над плитой, я только безумным усилием воли смог сдержаться, чтобы не заорать, как дева волн. Там, в двух гигантских птичьих клетках, сидели наши непревзойденные разведчики, Блитцен и Хэртстоун.

Глава IX

Я временно становлюсь вегетарианцем

Тот неловкий момент, когда ты встречаешься взглядом с друзьями, подвешенными в клетках на великаньей кухне. И один из них узнает тебя и начинает выкрикивать твое имя, которое ни в коем случае сейчас нельзя выкрикивать.

Блитцен вскочил на ноги, ухватился за прутья клетки и завопил:

– Маг...

– ...ическое угощение! Фантастическое! – выпалил я во

всю глотку. – Что за дивное блюдо нас ожидает!

И я ленивой походкой приблизился к клеткам, а следом за мной – Сэм и Алекс.

Эгир нахмурился:

– Дочки, позаботьтесь о гостях!

И он махнул рукой с видом «фу-какая-гадость» в сторону Ти Джея и Мэллори, которые пытались удержать полубездыханного берсерка от падения лицом в водорослевый ковер. А сам морской бог прошествовал за нами на кухню.

Все электроприборы здесь были вдвое больше человеческого роста. Переключатели на духовке по размеру запросто сошли бы за тарелки. Хэртстоун и Блитцен, с виду целехонькие, не считая уязвленного самолюбия, болтались над четырехконфорочной варочной панелью. Клетки стукались о кафельный фартук, на котором было выведено от руки аляповато-красными буквами: *Buon appetito!*¹⁹

Хэртстоун был в обычном черном байкерском костюме; единственным ярким пятном в его клетке был красно-белый полосатый шарф. При его почти белых волосах и природной бледности никогда наверняка не знаешь: то ли у него малокровие, то ли он немного испуган, то ли помертвел от ужаса при виде *Buon appetito!*

Блитцен решительным жестом одернул темно-синий пиджак и проверил, не выбилась ли из-под ремня джинсов лиловая шелковая рубашка. Носовой платок в тон и аскотский

---

¹⁹ Приятного аппетита (*итал.*).

галстук²⁰ немного скособочились, но в целом Блитц выглядел очень неплохо для блюда из сегодняшнего меню. Его курчавые черные волосы и борода были аккуратно подстрижены. А смуглый цвет лица прекрасно гармонировал с прутьями клетки.

По-моему, столь эффектный образ сам по себе повод отпустить Блитцена.

Я по-быстрому изобразил им пальцами:

– Не зовите меня по имени. Э-Г-И-Р меня убьет.

Имя бога я показал по буквам, потому что не знал, какой символ для него выбрать. «Хмурый», «Медовар» или «Х», то есть хипстер, – все вполне сгодилось бы.

Морской бог встал рядом.

– Магическое угощение, вот-вот, – кивнул он. – Для гостей мы всегда стараемся припасти что-нибудь свеженькое.

– Именно! Очень умно! – поддержал я. – Но скажите, разве вы едите гномов и эльфов? Я никогда не думал, что боги...

– Боги?! – зычно расхохотался Эгир. – Тут ты ошибся, крошка смертный. Думаешь, я плакса-вакса, как эти жалкие асы и ваны? Нет уж, я божество йотунское, стопроцентный великан!

Слова «плакса-вакса» я не слышал с третьего класса, с уроков физры, которые вел тренер Держи-Ворота. Но, насколько я помнил, плакса-вакса едва ли тянет на компли-

---

²⁰ *Аскотский галстук* – аксессуар особого фасона, с очень широкими, как у шарфа, краями.

мент.

– Значит, вы... гхм... едите гномов и эльфов?

– Бывает, – как бы слегка оправдываясь, подтвердил Эгир. – А случается, и троллей, и людей. Только хобгоблинам я сказал твердое «нет». Уж очень несет от них. А почему ты спрашиваешь? – Тут он подозрительно прищурился. – У вас, небось, какие-нибудь ограничения по питанию?

Сэм снова взяла первый приз за сообразительность:

– На самом деле да! Я, например, мусульманка.

Эгир поморщился:

– Ах, ну надо же. Вот незадача. Вряд ли гномы – это халяль. Насчет эльфов не уверен.

– Эльфы тоже не халяль, – заявила Сэм. – И вообще у нас сейчас Рамадан. А это означает, что мне надлежит вкушать пищу бок о бок с гномами и эльфами, но ни в коем случае не есть их самих. И не сидеть за столом рядом с теми, кто их ест. Это строго запрещено.

Наверняка она выдумала это по ходу дела. Хотя что я знаю о халяле и всех этих запретах из Корана? Но Сэм явно рассчитывала, что Эгир знает о них еще меньше.

– Какая досада! – вздохнул наш радушный хозяин. – А все остальные: что насчет вас?

– Я вегетарианец, – объявил я. Конечно, я соврал, но фалафель-то – это же овощная еда!

Я глянул на Блитца с Хэртом. Оба показывали мне большие пальцы вверх.

– А у меня зеленые волосы, – прибавил Алекс, печально разводя руками. – Боюсь, поедание эльфов и гномов оскорбит мои религиозные чувства. Но большое спасибо за предложение.

Эгир окинул нас сердитым взглядом. Похоже, мы подвергли тяжкому испытанию кулинарный аспект его гостеприимства. Он уставился на Блитцена с Хэртстоуном, а те, небрежно привалившись к решеткам клеток, всем своим видом изображали самый нехалальный на свете нехалаль.

– Ну вот, такой улов, – проворчал Эгир. – Но желание гостей для нас закон. Эльдир!

Последнее слово он гаркнул так громко, что я с перепугу подскочил и треснулся головой о ручку духовки.

Боковая дверь отворилась, и из кладовой шаркающей походкой выбрел старик, окутанный облаком дыма. Одет он был в белую униформу повара и поварской колпак. Его одежда была словно только что из печи: на рукавах и фартуке плясали языки пламени. От воротника струился дым, как будто его грудь вот-вот вскипит как котел. Вокруг седой бороды и бровей роились искры. Выглядел Эльдир лет этак на шестьсот, причем, судя по выражению его лица, все это время ему приходилось дышать чем-то вонючим.

– Ну чего еще?! – рыкнул он. – Я готовлю фирменную соляную намазку для эльфа!

– У нас изменения в меню, – сообщил Эгир. – Не будет ни эльфа, ни гнома.

– Что?! – прорычал Эльдир.

– Наши гости на строгих диетах. Теперь нам нужна халляльная еда, вегетарианская еда и особая еда для зеленоволосых.

– И не забудьте про Рамадан, – напомнила Сэм. – Нужно освободить пленников, чтобы я могла вкусить пищу бок о бок с ними.

– Хммм, – пробурчал Эльдир. – Вам вот так вынь да положь... гхм-хм... еду для зеленоволосых... гхм-хм... Ну погляжу, может, водорослевые котлетки завалились в холодильнике. – И он удалился в кладовую, все еще ворча и задумчиво догорая.

– Не хочу вас обидеть, – нерешительно произнес я, обращаясь к Эгиру, – но ваш повар... Он, что, горит?

– О, Эльдир уже несколько веков такой. С тех пор, как моего второго слугу, Фимафенга, убил Локи, Эльдиру приходится трудиться за двоих. И он буквально горит на работе!

В моей груди вспыхнула крохотная искорка надежды.

– Вы сказали, его убил Локи?

– Да. – Эгир опять нахмурился. – Вы, конечно, слышали, как этот паршивец опозорил мой дом?

Я бросил восторженный взгляд на Сэм с Алексом: мол, глядите, в нашем полку прибыло – еще один враг Локи!

Потом я вспомнил, что и Сэм, и Алекс вообще-то дети Локи. Возможно, Эгир питает к детям Локи такую же страсть, как и к людям по имени Магнус Чейз.

– Владыка Эгир, – начала Сэм, – тот случай, когда Локи опозорил ваш дом... Это ведь было на пиру богов?

– Да-да, – кивнул Эгир. – Настоящий скандал! А уж как на этот счет порезвились блогеры-сплетники!

Я почти что видел, как в голове у Сэм крутятся шестеренки. Будь она Эльдиром, хиджаб у нее уже вовсю бы дымился.

– Мне известна эта история, – произнесла Сэм и схватила Алекса за руку. – А теперь мне надо помолиться. Алекс мне должен помочь.

– Правда? – заморгал Алекс.

– Владыка Эгир, – продолжала Сэм, – можно мне быстро помолиться где-нибудь тут в уголке?

Морской бог одернул жилетку:

– Почему бы и нет?

– Спасибо!

Сэм и Алекс поспешно выскочили из кухни. Я лишь понадеялся, что они ушли обсуждать хитроумный план, как выволить нас отсюда. Потому что если Сэм и вправду вздумает молиться... Еще неизвестно, какой получится эффект, если помолиться мусульманскому богу в доме бога скандинавского (ой, простите, йотунского божества). Вполне возможно, весь этот чертог обвалится от религиозного парадокса.

Эгир сверлил меня взглядом. Ну, вы понимаете, когда вегетарианцу предлагают отужинать свеженькими гномом и эльфом, возникает этакое неловкое молчание.

– Пойду принесу меда из погреба, – наконец сказал

Эгир. – Скажи, пожалуйста, а ваши диеты на мед не распространяются?

– Нет-нет, ни в малейшей степени, – бодро заверил я. Не хватало, чтобы взрослый йотун разревелся от досады как детсадовец.

– Хвала волнам! – Морской бог отцепил от пояса связку ключей и кинул мне. – Вот, будь так добр, отпусти наш обед... в смысле, пленников. А потом располагайтесь и чувствуйте себя... – Он широким жестом обвел трапезную и затопал прочь.

Я остался гадать, как мы должны себя чувствовать: как дома, как в гостях или как в плену.

Взобравшись на плиту, я выпустил Блитца и Хэрта из их канареечных клеток. Счастливое воссоединение состоялось на передней левой конфорке.

– Сынок! – радостно воскликнул Блитцен. – Я знал, что ты явишься спасти нас!

– Ну-у... Если по правде, я и не догадывался, что вы, ребята, здесь тусуетесь. – Я говорил одновременно и на языке жестов, чтобы Хэртстоуну было понятно. Все-таки давненько мы не виделись: за несколько недель я отвык так общаться, и мои руки двигались медленно. Что значит отсутствие практики. – Но я дико рад, что нашел вас!

Хэртстоун щелкнул пальцами, требуя внимания.

– Я тоже очень рад, – просигналил он и погладил кисетик с рунами на поясе. – Дурацкие клетки. С блокировкой против

магии. Блитцен много плакал.

– А вот и нет, – знаками возразил Блитцен. – Сам ты плакал.

– Я не плакал, – ответил эльф. – Плакал ты.

В итоге беседа на языке жестов переросла в тыканье друг друга пальцами в грудь.

– Ребята, да хватит уже, – вмешался я. – Расскажите лучше, что случилось? Как вы тут очутились?

– Долгая история, – вздохнул Блитцен. – Мы поджидали вас у маяка, ну и попутно занимались кое-какими своими делами.

– Дразнили морского змея, – уточнил Хэрт.

– Мы ничего такого не делали, – заметил Блитц.

– Кидали камни ему в башку.

– Он сам первый начал! – вскипел Блитц. – И тут появилась эта волна и поглотила нас.

– Ее пригнали девять сердитых дев. Змей – их домашний зверек.

– А я откуда знал?! – проворчал Блитцен. – Он вроде не напрашивался, чтобы мы ему палку кидали. Но это все мелочи, сынок. Во время разведмиссии мы добыли ценную информацию, и будет нехорошо...

– Гости! – прокричал Эгир из пиршественного зала. – Прошу к столу! Разделите же с нами пищу и мед!

– Мы к этому еще вернемся, – изобразил Хэртстоун, еще разок ткнув Блитца в грудь.

В наши прежние дни на бостонских улицах, стоило кому-то позвать нас троих к столу, и мы пулей мчались на зов. А теперь мы плелись, еле переставляя ноги. Насчет этой дармовой еды у меня иллюзий не было.

Девять дочерей Эгира сустились вокруг стола, расставляя посуду и раскладывая приборы. Эгир мурлыкал себе под нос, прохаживаясь возле стеллажа с бочонками, помеченными рунами, – возьмет бочонок с полки, задумчиво повертит в руках, поставит, возьмет другой. Ти Джея, Мэллори и Хафборна уже усадили за стол. На стульях из красного коралла моим друзьям определенно сиделось неудобно; к тому же между ними нарочно оставили пустые места. Хафборн Гундерсон более-менее пришел в себя; только время от времени помаргивал и озирался, вероятно, надеясь, что все это сон.

Самира как раз закончила молиться возле «Большого банана». Она свернула коврик, перекинулась торопливыми репликами с Алексом, и они оба присоединились к нам. Если у них и был гениальный план, то, к моей радости, он не заключался в том, что они с Алексом превращаются в дельфинов и с криком «пока, придурки!» уплывают в неведомые дали.

Пиршественный стол, кажется, соорудили из самой большой на свете мачты, разрезав ее вдоль и раскрыв на две половинки. Со стропил на якорной цепи свисал канделябр из морского стекла. Только вместо свечей или электрических лампочек в громадных рожках светились засунутые туда души утопленников. Как я понял, для создания атмосферы.

Я уже прицелился усесться между Блитцем и Хэртом и тут заметил карточки: ГНОМ, ХРЁНН, ЗЕЛЕНАЯ КОСЫНКА. Моя оказалась на другом конце стола: БЛОНДИНЧИК.

Зашибись. У нас тут, оказывается, все как в лучших домах.

Со мной рядом с обеих сторон уселись дочери Эгира. Судя по табличке, барышня слева звалась Кольга. А та, что справа... ой, мамочки. Ее звали Блодухадда. Наверное, этот звук ее мама издавала под анестезией, когда наконец произвела на свет девочку номер девять. Попробую звать ее просто Блод.

– Привет, – просипел я.

Блод улыбнулась. Зубы у нее оказались все в крови. И вьющиеся волосы тоже были заляпаны кровью.

– Привет. Было приятно тащить тебя на дно.

– Ага. Спасибо.

Ее сестрица Кольга решила поддержать беседу, и мое предплечье мигом заledenело. Наряд Кольги, казалось, весь состоял из ледяных осколков и слякоти.

– Надеюсь, нам позволят оставить их, сестра, – сказала она. – Из них выйдут чудные смятенные души.

Блод хихикнула. От нее пахло свежим говяжьим фаршем только из холодильника.

– Ой, да! Как раз для канделябра!

– Спасибо за предложение, – вмешался я. – Но, знаете, у нас очень плотный график.

– Ох, как невежливо! Я забыла представиться! – вдруг

спохватилась Блод. – На вашем языке меня зовут Кровавые Волосы. А моя сестра – Леденящая Волна. А тебя зовут... – Она свела брови, читая карточку. – Блондинчик?

По-моему, Блондинчик звучит не хуже Кровавых Волос и Леденящей Волны.

– Можете звать меня Джимми, – поспешно представился я. – На вашем языке это... просто Джимми.

Но Блод это как будто не удовлетворило.

– Что-то в тебе есть этакое. – Она шмыгнула носом возле моего лица. – А ты ни разу не заплывал в мои кровавые воды после морского сражения?

– Уверен, что ни разу.

– Может, моя мамочка Ран рассказывала о ком-то вроде тебя. Но с какой ей стати...

– Дорогие гости! – прогремел Эгир. Никогда в жизни я так не радовался, что кто-то вклинивается в разговор. – Предлагаю начать вечер с персикового ламбика²¹, который и составит наш аперитив²². Прошу вас, пробуйте и не стесняйтесь высказывать свое мнение!

Девять морских дев ахали и охали, пока их отец обходил гостей с бочонком меда, наполняя по очереди все кубки.

– Надеюсь, вы оцените его фруктовые нотки, – разглагольствовал Эгир. – С едва уловимым намеком на...

---

²¹ *Ламбик* – вид бельгийского пива.

²² *Аперитив* – слабый, часто ароматизированный травами и пряностями спиртной напиток, который подается в начале трапезы для возбуждения аппетита.

– Магнус Чейз! – заорала Блод, вскакивая на ноги и указывая на меня. – Это МАГНУС ЧЕЙЗ!

Глава X

Давайте лучше про мед

Ну, началось. Вот скажите, с какого перепугу ей в голову пришло мое имя? Видимо, фруктовыми нотками навеяло.

Нет, ну честное слово, ребята! Даже обидно!

Дочери Эгира повскакивали с мест. Кто-то схватил столовый нож, кто-то вилку, кто-то салфетку – определенно с целью раскромсать нас на куски, проткнуть или придушить.

– Магнус Чейз? – прогремыхал Эгир. – Отчего такое вероломство?

Мы с друзьями и бровью не повели. Потому что законы гостеприимства никто не отменял. У нас еще есть шанс от-

говориться от схватки. А вот стоит нам обнажить оружие, и мы автоматически перестаем считаться гостями и начинаем считаться добычей. Целая семейка йотунских божеств, да еще на их территории – перевес, прямо скажем, не на нашей стороне.

– Погодите! – Я старался говорить спокойным тоном. Хотя это не так просто, когда девица по имени Кровавые Волосы грозит тебе ножом. – Мы все еще гости в вашем чертоге. Мы не нарушали правил.

Из-под краев Эгировой панамы повалил пар. Его очки в золотой оправе запотели. Бочонок у него под мышкой затрещал, как орех пекан в щипцах для орехов.

– Ты мне солгал! – проревел Эгир. – Ты сказал, ты не Магнус Чейз!

– Сейчас бочонок лопнет, – предупредил я.

Это возымело действие. Эгир вытащил бочонок из-под мышки и принялся баюкать его, словно младенца.

– Законы гостеприимства на вас не распространяются! Я разделил с вами пищу и мед, а вы меня обманули!

– Но я не говорил, что я не Магнус Чейз, – напомнил я. – И, кроме того, ваши дочери притащили нас сюда из-за того, что мы сказали слово «мед».

– И из-за вашего уродского желтого корабля! – прошипела Кольга.

Интересно, кто-нибудь видит, что мое сердце сейчас проломит ребра? По ощущениям это именно так.

– Верно, но сначала мед. Мы здесь, потому что интересуемся медом.

– Правда, что ли? – опешил Хафборн.

Мэллори так на него посмотрела, будто хотела пристукнуть на месте. А ведь между ними стояла еще морская дева.

– Разумеется, правда, дубина!

– Вот видите, – продолжил я, – никакого обмана. Наши намерения были абсолютно чисты!

Дочки Эгира взволнованно зашептались меж собой, бессильные против моей безупречной логики.

Эгир все укачивал свой бочонок:

– А что конкретно вы хотите знать о меде?

– Чудесно, что вы задали этот вопрос! – вскричал я. И запоздало сообразил, что не знаю на него ответа.

И снова на выручку пришла Самира.

– Сейчас мы объясним! – заявила она. – Но долгие истории лучше рассказывать за столом в кругу друзей за кубком доброго меда, правда же?

Эгир любовно погладил бочонок:

– За кубком доброго аперитива с фруктовыми нотками.

– Вот именно, – одобрила Сэм. – Поэтому давайте же разговеемся все вместе. Если наши объяснения покажутся вам неубедительными, можете после ужина убить нас.

– Зачем убивать-то? – испугался Ти Джей. – Хотя... конечно. Можете нас убить.

Справа от меня с острых, как когти, ногтей Блод капа-

ла кровавая морская вода. Слева вокруг Кольги кружился вихрь с градом. Остальные семь сестриц, рассаженные между моими друзьями, издавали звуки, похожие на рычание сумчатого дьявола²³.

Блитцен положил руки на кольчужный жилет. Несколько месяцев назад гном испытал на себе колющую силу меча Скофнунг и с тех пор довольно настороженно относится к холодному оружию. Взгляд Хэртстоуна скользил по лицам: эльф пытался разобрать, кто что говорит. Читать по губам – сложная задачка, даже если собеседник всего один, а если их такая толпа, то и вовсе почти невозможная.

Мэллори Кин покрепче сжала кубок с медом и приготовилась впечатать его в физиономию ближайшей из сестер. Хафборн сонно хмурился, видимо, окончательно уверившись, что происходящее вокруг ему снится. Ти Джей с невинным лицом запустил руку в мешочек с капсулями для винтовки. А Алекс Фьерро сидел как ни в чем не бывало и потягивал персиковый ламбик. Алексу лишние приготовления ни к чему. Я сам видел, как стремительно появляется его гаррота.

В общем, все зависело от морского бога Эгира. Стоит ему произнести: «Убейте их», и нас сварят в котле, как тот самый

---

²³ *Сумчатый (или тасманийский) дьявол* – симпатичная с виду зверушка, похожая на небольшую черную собаку. Однако этого обитателя острова Тасмания не зря называли дьяволом – характер у него поистине крут, а зубы остры и способны перекусить позвоночник млекопитающего. И рычат эти милые создания так, что поневоле заслушаешься.

мед. Мы, конечно, будем доблестно сражаться. И столь же доблестно погибнем.

– Ну, не знаю... – задумчиво протянул Эгир. – Жена сказала убить тебя, как только увижу. Мне положено утопить тебя, оживить, а потом опять утопить.

Очень в духе богини Ран.

– Великий владыка волн, – встрял Блитцен, – а вы давали клятву убить Магнуса Чейза?

– Да нет, – признался Эгир. – Но раз уж моя жена так просила...

– Разумеется, следует уважать ее желания! – подхватил Блитцен. – Но в данном случае вам придется выбрать между ними и законами гостеприимства. И вам не принять верного решения, пока мы не расскажем свою историю.

– Папочка, позволь мне убить их! – взревела дева с непомерно большими руками. – Я вцеплюсь в них и задушу!

– Тихо, Волна-Душегубка, – цыкнул на дочь Эгир.

– Нет, папочка, пусть мне выпадет эта честь! – возопила другая сестрица, шмякнув об пол тарелку. – Я зашвырну их в пасть Йормунганду!

– Молчи, Килевая Качка, – нахмурился Эгир. – Гном дело говорит. Вот же дилемма, однако...

И он погладил бочонок. Я все ждал, когда он скажет что-нибудь типа: «Мой бочоночек гневается. А если мой бочоночек гневается, значит, смерть всем!»

Но вместо этого Эгир вздохнул:

– Жаль переводить такой мед впустую. Мы поедим и выпьем все вместе. Вы поведаете мне свою историю. И особо разъясните, какое отношение вы имеете к меду. – Он махнул дочерям рукой, чтобы те сели. – Но предупреждаю, Магнус Чейз, если мне вздумается убить тебя, пощады не жди! Я йотунское божество, воплощение первозданной мощи! Я Море и, подобно своим братьям Огню и Воздуху, неукротимая стихия, и ярость моя не знает границ!

Тут дверь кухни распахнулась, и на пороге пиршественного зала возник Эльдир. Борода его потихоньку тлела, а поварской колпак по-настоящему пылал. В руках Эльдир держал стопку подносов с блюдами.

– Кому безглутеновую еду? – басовито пророкотал он.

– Безглутеновую? – удивился Алекс. – Мы вроде такой не заказывали.

– Это мне! – вдруг сказала Блод. И, заметив мой ошалелый взгляд, насупилась. – Ну а что? Я на кровяной диете.

– Да на здоровье, – пискнул я.

Эгир решил, что пора принять командование.

– Ну ладно, – сказал он. – Халяльная еда – это для Самиры. Вегетарианская – это для Магнуса-Убьем-Его-Позже-Чейза. А эта зеленоволосая ерунда...

– Это мне, – быстро вставил Алекс. Хотя мог бы и не вставлять. В зале, битком набитом морскими девами, он был единственным обладателем зеленых волос.

Когда подносы распределили и мед разлили по кубкам,

Эгир уселся на троне:

– Ну вот. У всех все есть?

– Тут еще осталось! – подал голос Эльдир. – Буддистская еда!

– Это мое, – сказал Эгир.

«Только не ржать», – мысленно приказал я себе, когда воплощение первозданной мощи подтянуло к себе поднос с тофу и бобовыми ростками. В конце концов, мало ли у кого какие причуды.

– Так на чем я остановился? – произнес Эгир. – А, ну да: неукротимая стихия, и ярость моя не знает границ. Я вам руки-ноги поотрываю!

Угроза прозвучала бы более убедительно, если бы он не размахивал при этом гороховым стручком, приготовленным на пару.

Алекс отпил из своего кубка:

– Позвольте заметить, что этот мед – чистый нектар! И фруктовые нотки на месте. И как, интересно, вы его варите?

У Эгира вспыхнули глаза.

– Да ты, похоже, знаешь толк в напитках! И вот что я тебе скажу: весь секрет в температуре пчелиного меда...

И морского бога понесло. Алекс вежливо кивал и время от времени задавал вопросы.

Я догадался, что мой друг тянет время. Надеется, что мы сумеем, пока суд да дело, сочинить какую-нибудь историю на медовую тему. Но медовые сюжеты отчего-то не слетались

мне в голову, как пчелы на мед.

Я покосился на тарелку Блод. И очень зря. Потому что великанша, чавкая, опустошала огромную посудину, залитую кровавым студнем.

Пришлось повернуться вправо. На тарелке у Кольги лежали разложенные веером, как павлиний хвост, разноцветные рожки из снега.

Кольга перехватила мой взгляд и ослабилась. Зубы у нее были как обтесанные кубики льда. В зале как будто стало очень холодно, и в ушах у меня захрустел иней.

– Чего пялишься, Магнус Чейз? Не тронь мою снежную мороженку!

– Нет-нет, я и не собирался! Я просто подумал... А вы на какой стороне в Рагнароке?

– Море поглотит все, – прошипела дева.

Я подождал подробностей. Но, похоже, этим стратегия Судного дня для нее исчерпывалась.

– Ну ладно, – наконец произнес я и с энтузиазмом добавил: – Значит, вы, получается, ни за кого? Круто!

Кольга окинула меня недоверчивым взглядом:

– Круто – это не круто. Холодно – вот что круто.

– Ну да. Но ваш папа не дружит с Локи.

– Конечно, нет! После той кошмарной перебранки! Локи осрамил наш чертог, богов, папочку и даже папочкин мед!

– Ага. Значит, перебранка.

Какое-то знакомое слово. Кажется, оно мелькало на теле-

экрane в Вальгалле. Только смысл у него мутноватый.

– Полагаю, тебе не доводилось слышать имя Бёльверка? – наудачу ляпнул я. – Он ведь как-то связан с медом, да?

Кольга снисходительно ухмыльнулась, прозрачно намекая, что я редкостный кретин.

– Всем известно, Бёльверк – это другое имя медового вора.

– Медового вора... – эхом повторил я.

Звучало как название дешевого детектива.

– Того, кто похитил мед Квасира! – пояснила Кольга. – Единственный мед, который папочка не может сварить. До чего ж ты безмозглый! Скорее бы засунуть твою душу в канделябр. – И она занялась своей снежной мороженкой.

Квасир. Ну, приехали! Была одна загадка, стало две. Но я чувствовал, что подбираюсь к чему-то важному: вот-вот кушочки головоломки сложатся в картинку. И тогда я разгадаю записи дяди Рэндольфа, и открою способ одолеть Локи, и, возможно даже, придумаю медовый план спасения из чертога Эгира.

Эгир продолжал разливаться соловьем, толкуя Алексу о преимуществах добавления в дрожжи питательных веществ и об ареометрах²⁴. Алекс героически делал вид, что ему интересно.

Я поймал взгляд сидевшего напротив Хэртстоуна. И проигнорировал его по буквам:

---

²⁴ *Ареометр* – прибор для измерения плотности жидкости.

– Что такое П-Е-Р-Е-Б-Р-А-Н-К-А?

Эльф нахмурился.

– Состязание, – ответил он. Потом поднял указательный палец и покрутил им, как бы... А, понятно. Это значит «оскорбление».

– К-В-А-С-И-Р? – спросил я.

Хэртстоун отдернул руки, точно обжегся о горячую плиту.

– Так ты знаешь? – показал он.

Сэм постучала костяшками пальцев по столу, требуя моего внимания. Ее руки замелькали в быстрых движениях:

– Я пытаюсь тебе сказать! Локи был здесь. Давно. Состязался в оскорблениях. Обещай Эгиру месть. Мы с Алексом думаем, можно использовать мед...

– Я понял, – ответил я жестами.

И тут меня озарило. В голове у меня возник план. Правда, не во всех подробностях. Если честно, вообще без подробностей. Знаете эту детскую игру с конфетами на веревочке? Мне как будто завязали глаза, развернули примерно в ту сторону, где висит конфета, вручили ножницы и сказали: «Стриги».

Однако, согласитесь, это лучше, чем ничего.

– Великий Эгир! – Я вскочил со стула и вскарабкался на стол, не очень соображая, что делаю. – Я готов объяснить вам, почему нас не стоит убивать и как это связано с медом.

За столом повисло молчание. Девять штормовых дев тарасились на меня, видимо, прикидывая в уме, как они меня

придушат, швырнут, расплющат и заморозят до смерти.

Краем глаза я заметил, как Алекс показал мне руками:
– Молния!

Я сначала решил, что это он так восхищается моей геройской крутизной. Или молниеносностью моей мысли. Но Алекс показывал глазами куда-то вниз. На мои штаны. Широкая расстегнута, с ужасом осознал я.

Сверхчеловеческим усилием воли я заставил себя не глядеть вниз. Я не отводил глаз от хмурого Эгира и бобового ростка, застрявшего у него в бороде.

– Я как раз говорил об очистке фермента! – прорычал морской бог. – Надеюсь, твои слова и впрямь окажутся дельными!

– Еще какими дельными! – заверил я, незаметно проверяя ширинку и выясняя, что она вполне себе застегнута. – Наш отряд отправился в плавание, чтобы призвать к ответу Локи! Он избавился от пут, однако мы намерены отыскать его корабль Нагльфар до летнего солнцестояния, пока он не отплыл из гавани. Мы захватим Локи и приведем его назад в оковах. Помогите же нам и тем самым воздайте Локи за ту позорную перебранку!

Из-под панамы Эгира вырвались клубы пара, словно где-то у него в голове лопался попкорн.

– Как смеешь ты вспоминать о том бесчестии?! – возмутился морской бог. – Здесь, за этим самым столом, где все и случилось!

– Я знаю, Локи победил в перебранке! – заорал я в ответ. – Отделал вас под орех! Он всех тут оскорбил – и богов, и хозияна. И даже ваш мед! Но мы тоже можем отделать Локи! Мы ему отплатим за все! Я... я сам брошу вызов Локи!

Сэм спрятала лицо в ладонях. Алекс поднял глаза к потолку и пробормотал:

– Ни фиги себе. Только не это.

Все друзья уставились на меня в полном ошеломлении, как будто я сорвал чеку с гранаты. (Я один раз попробовал сделать это на поле боя в Вальгалле – просто не знал, как действует граната. Тогда все кончилось плохо – и для гранаты, и для меня.)

Эгир вдруг сделался тих, как покойник. Он подался ко мне, блеснув стеклами в золотой оправе:

– Ты, Магнус Чейз, намерен вызвать Локи на перебранку?

– Да, – подтвердил я. Несмотря на столь бурную реакцию друзей, мне казалось, это единственный возможный ответ. Хотя я не очень понимал, чем все это обернется. – Я его забраню до смерти!

Эгир погладил бороду, наткнулся на бобовый росток, выковырял его и отбросил прочь.

– Тебе ли тягаться с Локи? Ни один из богов не сравнится с ним в искусстве перебранки. Тебе понадобится некое тайное оружие, некие особые нотки...

«Очевидно, фруктовые», – пронеслось у меня в голове, и откуда-то я снова знал, что так оно и есть. Я выпрямился и

изрек своим самым что ни на есть геройским голосом:

– Я воспользуюсь медом Кевина!

Алекс присоединился к клубу Самиры «Глаза бы мои не глядели на этот срам».

Эгир прищурился:

– Ты о меде Квасира?

– Да! – не моргнув глазом, отозвался я. – О нем!

– Быть того не может! – возразила Кольга, чьи губы окрасились в шесть цветов снежной мороженки. – Папочка, это враки!

– И, великий Эгир, – не сдавался я, – если вы отпустите нас, мы доставим вам... э-э-э... немного меда Квасира для образца. Раз уж это единственный мед, который вам не под силу сварить.

Мои друзья и девять великанш как по команде воззрились на Эгира в ожидании его решения.

Лицо морского бога озарила легкая улыбочка. Такое впечатление, что он таки прорвался к кассе в супермаркете эко-продуктов и пробил наконец свой японский чай.

– Ну, это все меняет, – объявил он.

– Правда? – удивился я.

Эгир поднялся с трона:

– Я буду счастлив видеть, как Локи призовут к ответу, и пусть это произойдет в перебранке. Никак не меньше. И я предпочту не убивать вас и обращаться с вами по законам гостеприимства.

– Потрясающе! – обрадовался я. – Так нам можно идти?

– Но, к несчастью, – продолжил Эгир, – ты по-прежнему Магнус Чейз, и моя супруга жаждет твоей смерти. Если я отпущу вас, она будет в бешенстве. Но если вы, скажем, сбежите, когда я на минуточку отвернусь, и мои дочери – всякое бывает – отчего-то с вами не справятся... тогда, думаю, мы будем вправе списать это на волю норн! – Великан поправил жилетку. – Схожу-ка я за медом. Надеюсь, пока меня не будет, ничего не случится. Идем, Эльдир!

Повар хитро глянул на меня из-под дымящихся бровей:

– Ты уж выбрани Локи за Фимафенга, ладно? – И он зашагал следом за хозяином.

Едва дверь за ними закрылась, девять дочурок Эгира вскочили с мест и ринулись в атаку.

Глава XI

А теперь отправляемся...

в Город мечты!

(Вместе с моим мечом)

Когда я был обычным смертным мальчишкой, я не очень-то смыслил в битвах.

Конечно, у меня имелись какие-то смутные представления, что два войска должны построиться, потом протрубить в рог, а потом сойтись и добросовестно перебить друг друга. Или если, предположим, речь шла о викингской битве, то обязательно какой-нибудь дядька должен заорать: «СО-

МКНУТЬ ЩИТЫ!» – и тогда толпа волосатых блондинистых мужиков с невозмутимым видом выстроится в шеренгу и сомкнет щиты, превратившись в немыслимый многогранник. Или в робота Мегазорда из вселенной «Могучие Рэинджеры».

Но к настоящей битве это не имело никакого отношения. Во всяком случае, к тем битвам, в которых мне доводилось участвовать. Настоящая битва – это смесь танца модерн²⁵, мексиканской борьбы луча либре²⁶ и потасовки на дневном ток-шоу. И все это в сопровождении оркестра.

Девять морских великанш навалились на нас, хором голоса от восторга. Но мои друзья оказались готовы к такому повороту событий. Мэллори Кин скакнула на закорки к Волне-Душегубке и воткнула ножи ей в плечи. Хафборн Гундерсон, ловко орудуя двумя кубками, одним засветил Хефринг в физиономию, а другим врезал под дых Унн.

Ти Джей потратил драгоценное время, заряжая винтовку, однако выстрелить не успел. Милашка Химминглэва обернулась приливной волной и проволокла его через весь зал.

---

²⁵ *Модерн* – танцевальный стиль, зародившийся на рубеже XIX–XX веков в США и Германии. Поскольку модерн появился в пике классическому балету, то правил там было немного: главное, донести до зрителя переживания, эмоции и все в этом роде. Чем-то модерн похож на фольклорные танцы, чем-то на йогу, чем-то на акробатику. Примерно как битва в чертоге Эгира.

²⁶ «*Луча либре*» в переводе с испанского означает «вольная борьба». Состязание по луча либре – довольно зрелищная штука, поскольку участники борются в жутковатых масках.

Хэртстоун бросил руну, которой я прежде не видел:

Руна попала в Буклю, то есть в Бюльгю, и растворила ее, превратив в большую сердитую лужу.

У Сэм в руке сверкало копьё из света. Она взлетела на недостижимую высоту и принялась оттуда поливать великанш потоками чистейшего валькирийского сияния. Блитцен тем временем скакал посреди всей этой кутерьмы и отвлекал сестер едкими замечаниями по поводу их гардероба: – Эй, подол-то не коротковат? А у тебя стрелка на чулке! Твой платок к платью не подходит!

Ко мне с двух сторон кинулись Кольга и Блод. Я доблестно нырнул под стол и попытался уползти, но Блод ухватила меня за ногу и вытянула из укрытия.

– Ну что, – протянула она, хищно оскалив окровавленные зубы. – Я вырву душу из твоего тела, Магнус Чейз!

И тут на нее накинута огромная горная горилла, повалила на пол и отхватила ей полголовы (Жуть, правда? Но на самом-то деле, едва горилла сплеча вмазала ей по лицу, голова великанши просто растеклась по ковру из водорослей и растворилась в морской воде.)

Горилла повернулась ко мне. (Вообще-то, это был самец. Причем, явно доминантный.) Оказалось, что глаза у чудища разные – янтарный и карий. И гориллий вождь заорал на меня жутким голосом, словно бы говоря: «Ну чего расселся? Дерись давай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.